

Джоан Э. Кэшин

НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ СРАЖЕНИЙ

Борьба за человеческие
и природные ресурсы в ходе
гражданской войны в США

СОВРЕМЕННАЯ
АМЕРИКАНИСТИКА

«Современная американистика» = «Contemporary
American Studies in the Russian Language»

Джоан Э. Кэшин

**Насущный хлеб войны.
Борьба за человеческие и
природные ресурсы в ходе
гражданской войны в США**

«Библиороссика»

2018

Кэшин Д.

Насущный хлеб войны. Борьба за человеческие и природные ресурсы в ходе гражданской войны в США / Д. Кэшин — «Библиороссика», 2018 — («Современная американистика» = «Contemporary American Studies in the Russian Language»)

ISBN 978-5-907532-78-6

В своем новаторском исследовании, посвященном истории Гражданской войны в США, Джоан Э. Кэшин изучает проблему борьбы за человеческие и природные ресурсы между мирными жителями и военными. Поначалу мирные жители с радостью помогали войскам Севера или Юга, однако война оказалась таким тяжелым испытанием, что вскоре южане, независимо от их политических взглядов, всецело сосредоточились на собственном выживании. Обе армии забирали себе все, что считали нужным, и в конечном итоге полностью уничтожили военный потенциал региона. В этой ожесточенной борьбе мирные жители потерпели поражение.

ISBN 978-5-907532-78-6

© Кэшин Д., 2018
© Библиороссика, 2018

Содержание

Благодарности	5
Список сокращений	7
Введение	9
Эймит, Луизиана, 1861 год	9
О чем эта книга	11
Историография	16
Какие темы затрагивает и не затрагивает эта книга	17
Глава 1	18
Люди	19
Продукты питания	23
Древесина	26
Жилье	29
Политика и война	32
Глава 2	35
Общественное мнение	37
Контрабанда	40
Письма	43
Шпионаж	45
Гражданский персонал	48
Перемещения	51
Заложники	53
Глава 3	58
Контекст	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джоан Э. Кэшин

Насущный хлеб сражений. Борьба за человеческие и природные ресурсы в ходе Гражданской войны в США

Благодарности

Когда книга дописана, автору всегда очень приятно поблагодарить тех многочисленных людей, которые помогали ему в процессе работы.

Возможностью отправиться в поездки по различным архивам, крайне важные для моего исследования, я обязана двум организациям, оказавшим мне финансовую поддержку: Мершононскому центру изучения международной безопасности при Университете штата Огайо, от которого я получила грант, и Филсоновскому историческому обществу в Луисвилле, Кентукки, выдавшему мне научную стипендию.

Благодарю сотрудников архивов за их доброту и готовность сразу же прийти на помощь: Деанну Блэнтон из Национального архива, Джона Коски из Музея истории Гражданской войны, Джеффа Флэннери, Патрика Кервина и Бруно Кирби из Библиотеки Конгресса, Кэтрин Холл из Юридической библиотеки имени Морица при Университете штата Огайо, Ноэля Харрисона из Музея и культурного центра Фредериксберга, Элизабет Холланд, на тот момент работавшую в Публичной библиотеке Чикаго, Джеймса Холмберга из Филсоновского исторического общества, Рональда Ли и Дарлу Брок из Государственной библиотеки и архива штата Теннесси, Джеймса Льюиса из национального парка «Битва при Стоунз-Ривер», Кэти Нидергесес из архива округа Лоуренс, Теннесси, и Лиз Новара из Библиотеки имени Хорнбейка при Университете Мэриленда.

За помощь с иллюстрациями я бы хотела поблагодарить Жермена Бьенвеню из Университета штата Луизиана, Билла Дормана из библиотеки прихода Тангипахоа, Луизиана, Лору Сигер, сотрудницу исторического факультета Университета штата Огайо, Дэвида Вулдриджа из офиса Службы национальных парков в Аппоматтоксе и Кэти Райт из Музея истории Гражданской войны. Мои научные ассистенты Джон Найт, Меган Риэл и Лора Смит провели тщательную и добросовестную работу по поиску книг, статей и документов.

Своим богатым опытом со мной поделились и специалисты из других областей: полковник в отставке Фред Л. Борч, военный историк и сотрудник архива при Корпусе начальника военно-юридической службы Вооруженных Сил США, просветил меня в том, что касалось военной истории и юриспруденции, а Томас Уолдроп, специалист по изучению пожаров при Службе охраны лесов США (университет Клемсон) рассказал мне о лесном хозяйстве.

Терри Алфорд, Джин Бейкер, Марк Болдуин, Стив Берри, Сидни Блюменталь, Джон Брук, Майкл Берлингем, Джон Бернхэм, Аня Джейбур, Стефани Кермес, Дэниэл Корнстейн, Майкл Марточчио, Стив Минтц, Дэвид Мольтке-Хансен, Рэнди Рот, Лесли Роулэнд, Эд Ругемер, Джонатан Уайт и Ли-Энн Уайтс – мои глубокоуважаемые друзья и коллеги, которые делились со мной идеями, внимательно слушали мои рассказы и оказывали теплую поддержку, когда я собирала материал и работала над книгой. Я глубоко благодарна им всем.

Марк М. Смит и Пит Кокланис, редакторы «южной» серии издательства Cambridge University Press, выказали большой энтузиазм в работе над рукописью. Спасибо редактору моей книги Деборе Гершеновиц за ее мудрость и вдумчивость.

Мои коллеги Марк Гримсли и Брукс Симпсон прочитали каждый по одной главе и предоставили полезную обратную связь. За последние двадцать с лишним лет мы с Марком не раз обсуждали те или иные аспекты эпохи Гражданской войны.

Трое моих коллег тщательно вычитали всю рукопись целиком: это Уильям Харрис, Эрл Хесс и Джордж Рэйбл. Они высказали ценнейшие замечания по части стиля и аргументации и проявили себя настоящими друзьями. Однако если какая-то неудачная фраза или фактическая неточность избежала их внимания, то ответственность за это, разумеется, лежит на мне. Я благодарю Кристофера Вуда за возможность побеседовать и узнать его точку зрения о событиях прошлого и настоящего. Эту книгу я посвящаю моей сестре Беверли – человеку искусства, источнику вдохновения и гражданке мира.

Список сокращений

- ALA Архивно-историческое отделение Алабамы
ASI Институт изучения Арканзаса, Центр истории и культуры Арканзаса
BU Университет Брэдли, Пеория, Иллинойс
CHMRC Исследовательский центр Музея истории Чикаго
CHSL Библиотека Исторического общества Цинциннати
CMLS-VHS Мемориально-литературное общество Конфедерации под управлением Виргинского исторического общества
CPL Публичная библиотека Чаттануги
DHS Даллаское историческое общество
DML Библиотека Метро в Дайтоне, Огайо
DU Университет Дьюк, Библиотека редких книг и рукописей имени Дэвида М. Рубинштейна
ETHS Историческое общество Восточного Теннесси
FHS Филсоновское историческое общество, Луисвилл
GC Геттисбергский колледж, специальные коллекции и архивы колледжа
HSWP Историческое общество Западной Пенсильвании
ISL Библиотека штата Индиана
KHS Историческое общество Кентукки, Франкфорт
LC Библиотека Конгресса, отдел рукописей
LCTA Архивы округа Лоуренс, Теннесси
LMRL Научная библиотека при Музее Линкольна, Форт-Уэйн, Индиана
LSU Университет штата Луизиана, Мемориальная библиотека Хилла
NARA Национальная служба архивов и документации, Вашингтон, Колумбия
NARA-II Национальная служба архивов и документации – II, Колледж-Парк, Мэриленд
NYPL Публичная библиотека Нью-Йорка
OSM Музей «Старая ратуша», Висксбург
OHC Исторический клуб Огайо
OR «Война мятежников: собрание официальных документов армий Союза и Конфедерации» в 128 томах (Вашингтон: Государственная типография США, 1897)
OSU Университет штата Огайо, исторический факультет, eHistory
RG Группа записей
SCC Комиссия по требованиям южан
SCHS Историческое общество Южной Каролины, Чарльстон
TSLA Библиотека и архивы штата Теннесси
UGA Университет Джорджии, Библиотека редких книг и рукописей имени Харгретта
UKL Университет Кентукки – Лексингтон
UM Университет Мичигана, Библиотека имени Уильяма Л. Клементса
UMCP Университет Мэриленда – Колледж-Парк, Библиотека имени Хорнбейка
UMIS Университет Миссисипи, особые собрания
UMS Университет Мемфиса, особые собрания
UNC-SHC Университет Северной Каролины, собрание по истории Юга
USC Университет Южной Каролины, библиотека «Южная Каролиниана»
UTA Университет Техаса в Остине, Центр американской истории имени Дольфа Бриско
UTK Университет Теннесси в Ноксвилле
UVA Университет Виргинии, Библиотека особых собраний имени Альберта и Ширли

VHS Историческое общество Виргинии

VMI Военный институт Виргинии

VSP Проект «Долина теней», Университет Виргинии

WIU Университет Западного Иллинойса

WRHS Историческое общество Западного резервного района

Введение

Эймит, Луизиана, 1861 год

В сентябре 1861 года во дворе Дэвида Уотерса, сорокалетнего надсмотрщика над рабами, жившего в Эймите, штат Луизиана, разместился на постой отряд конфедератов. Уотерс работал в этих местах еще до начала Гражданской войны, а зимой 1860–1861 годов он решил окончательно перебраться в Эймит – деревню в приходе Ливингстон, к северу от озера Пончартрейн. Он не был против того, что возле его дома разбили военный лагерь, – во всяком случае, поначалу – и охотно делился с солдатами едой. Однако его отношения с ними недолго оставались безоблачными. Когда они стали разорять сад Уотерса и ломать там деревья, он пригрозил, что будет стрелять, если еще раз увидит подобное. Именно так в конце концов и случилось – Уотерс открыл огонь по группе солдат, и один из них оказался убит. Остальные пришли в ярость и разрушили дом до основания, хотя офицеры и несколько сослуживцев пытались их остановить. После этого по-прежнему «охваченные гневом» солдаты срубили деревья, снесли изгороди, подожгли амбар и другие дворовые постройки и полностью уничтожили запасы провизии. За этим в ужасе наблюдали родственницы Уотерса. Хозяину сохранили жизнь, но он оказался полностью разорен. Как пишет его соседка Сара Лоис Уэдли, кроме дома и участка у него ничего не было, и с апреля, когда началась война, он не мог найти себе работу¹.

Казалось бы, Сара Уэдли должна была искать оправдания действиям разъяренных конфедератов. Девочка-подросток из семьи рабовладельцев – ее отец занимал высокую должность на железной дороге, – она вела обеспеченную жизнь, коротая время за визитами, шитьем, посещением церкви и чтением. Сара была склонна к самоанализу: она напоминала себе, что нужно верить в Бога, становиться лучше и дорожить тем, что у нее есть. Родственники Уэдли жили по всему штату, и Сара очень любила Эймит с его типичными для маленького городка хитро-сплетениями светской жизни. У ее семьи было много друзей, в том числе и Дэвид Уотерс; на Рождество 1860 года они нанесли ему полагающийся визит. Во время зимнего политического кризиса некоторые ее родственники поддержали северян, однако сама Сара была убежденной сторонницей сецессии. Когда началась война, она выступила за Конфедерацию. Ее отец служил в небоевом подразделении – он был суперинтендантом на железной дороге, а Сара с матерью присоединились к швейному кружку конфедератов. Она с радостью встретила новости о победе повстанцев в первой битве при Булл-Ран в июле 1861 года².

Однако то, что произошло с мистером Уотерсом и его собственностью, ужаснуло Сару Уэдли. Она была ошеломлена, узнав о нападении, которому подвергся их друг и сосед. «Ужасно», пишет она, что на такое способны «наши собственные солдаты». Жители Эймита боялись, что отряды мятежников не удовлетворятся одним домом и подожгут весь город, так что местная милиция патрулировала этот район на протяжении нескольких дней. К превеликому облегчению горожан, поджога не случилось. Уэдли обвинила во всем нью-орлеанских солдат польского происхождения, однако эта история глубоко ее потрясла – отчасти из-за того, что Уотерс выказал солдатам гостеприимство, а те в ответ разрушили его дом. С ее точки зрения, это было несправедливо. И, что хуже всего, офицеры оказались в этой ситуации бес-

¹ См. данные федеральной переписи населения за 1860 год (с. 219) и запись от 21 сентября 1861 года в дневнике Сары Уэдли. После войны приход получил название Танджипахо.

² См. данные федеральной переписи за 1860 года (с. 15), описание дневника Сары Уэдли и записи в дневнике от 3 января 1861 года, 1 октября 1860 года, 27 марта 1861 года, 13 октября 1860 года, 4 декабря 1860 года, 31 декабря 1860 года, 5 января 1861 года, 29 декабря 1860 года, 3 января 1861 года, 22 июля 1861 года, 20 марта 1861 года, 14 июля 1861 года и 28 июля 1861 года.

сильны. Война шла всего полгода, и – хотя Уэдли об этом не пишет, – случившееся вопиющим образом нарушило Военный кодекс Конфедерации³.

Кажется странным, что подобная ситуация возникла в самом начале войны, и уж тем более, что солдаты-южане вели себя подобным образом на территории самой Конфедерации. Однако это не единственный случай. В ходе моих исследований я часто обнаруживала истории об ущербе, нанесенном мирным жителям и их собственности. Обе враждующие армии отбирали у гражданского населения еду и древесину и разрушали частные дома. Вскоре я стала задавать себе вопрос: существовали ли какие-либо документы, призванные ограничить злоупотребления? Я не рассчитывала, что кто-то стал бы в точности им следовать – поскольку слишком долго преподавала в крупных государственных университетах, чтобы сохранить веру в готовность людей точно выполнять официальные инструкции. Однако чем дальше, тем больше меня изумляло то, с каким безразличием и презрением относились к подобным документам солдаты и офицеры обеих армий. Я стала интересоваться тем, как воюющие стороны рассматривали ресурсы – и человеческие (например, гостеприимство Дэвида Уотерса), и материальные (его продукты, изгороди и дом). Результатом этого интереса и оказалась настоящая книга.

³ См. запись от 21 сентября 1861 в дневнике Сары Уэдли.

О чем эта книга

Предмет нашего исследования – это отношение к ресурсам, как человеческим, так и материальным, а также борьба за эти ресурсы, развернувшаяся в военное время между солдатами и гражданским населением. Отдельной важной темой оказались незначительные возможности официальных распоряжений ограничить действия военных. Обе армии, и северная, и южная, в основном состояли из обычных людей, выросших в сельской местности и в небольших городах. До войны белое население обоих регионов придерживалось схожих ценностей общинности и разумного хозяйствования. По большей части представители этого населения были согласны с тем, что у каждого человека есть определенные обязательства перед другими людьми и что ценными материальными ресурсами необходимо распоряжаться с умом – хотя, конечно, иногда люди обращаются друг с другом несправедливо или растрачивают ресурсы впустую. Ни Север, ни Юг нельзя было назвать аграрными утопиями, однако среди большинства жителей обоих регионов преобладало коммуналистское отношение к другим белым и стремление разумно использовать ресурсы.

И вот началась война. Обе армии активно обратились к человеческим ресурсам Юга – к знаниям и умениям белого населения южных штатов, – и в процессе их применения разрушили, неправильно использовали и растратили такое количество материальных ресурсов, которое до 1861 года было невозможно представить. В обеих армиях всегда имелось некоторое количество солдат и офицеров, старавшихся защитить гражданское население и сохранить материальные ресурсы, однако потребности военных стояли выше, чем нужды гражданского общества и доминировавшие в довоенной культуре ценности. Обе армии выжали из материалов, необходимых для продолжения боевых действий, – того, что рядовой-янки Эдгар Элай назвал «материей» войны, – все возможное, вне зависимости от того, отправлялись ли эти материалы в Конфедерацию, в пограничные штаты или на Север. Этот подход действовал вне зависимости от этнического происхождения военных, их религиозных и политических взглядов и того, когда именно они присоединились к воюющим. Тот, кто носил мундир – неважно, синий или серый, – ставил свои потребности превыше всего⁴.

Речь идет не об отдельных преступниках, дезертирах или отщепенцах. Описанное поведение было типичным для обеих армий – и для пехоты, и для кавалерии, среди офицеров разных званий, как на восточном театре, так и на западном. Историки расходятся в том, насколько эффективной, профессиональной и хорошо организованной была армия довоенных Соединенных Штатов, однако в армиях Гражданской войны практически не было кадровых офицеров, встречавшиеся же там выпускники Вест-Пойнта далеко не всегда придерживались буквы приказа. «Законы» войны, развивавшиеся на протяжении столетий, мало влияли на практические действия, то же самое можно сказать о скудной на тот момент литературе по военной теории. Верховный суд США не предоставил четких указаний, в Конфедерации же вообще не существовало Верховного суда; ни Авраам Линкольн, ни Джефферсон Дэвис не принимали непосредственного участия в создании законов, определяющих взаимодействие военных с гражданскими лицами и принадлежащими тем ресурсами. Предполагалось, что американские войска должны придерживаться Военного кодекса от 1806 года, а также ориентироваться на «Военный словарь» Генри Ли Скотта – своеобразный военный альманах, опубликованный в 1861 году. В федеральной армии в 1862 году появились приказы Джона Поупа, а в 1863 году – Кодекс Фрэнсиса Либера. Эти документы, с одной стороны, предоставляли солдатам большую свободу действий, но с другой – стремились хоть сколько-нибудь защитить нонкомбатантов и их

⁴ См. письмо Эдгара Элая миссис Теодор Фаулер от 24 января 1864 года. О роли гражданского населения в других войнах см. [Uglow 2014; Gibson 2014; Proctor 2010; Tirman 2011; Merridale 2006; Schrijvers 1998; Eby 1998].

материальное окружение. На практике такие меры работали плохо. Приказы и кодексы едва ли могли противостоять ненасытным потребностям обеих армий, обладавших собственной, независимой от директив сверху волей⁵.

Война способствует нарушению закона и, как правило, поглощает невероятное количество ресурсов. На протяжении всей современной истории, невзирая на официальные запреты, армии всегда наносили вред гражданскому населению и уничтожали его собственность. Американская Гражданская война не стала исключением. И все же поражает масштаб совершенных в ее процессе правонарушений, равно как и их последствия для нонкомбатантов. Ученые слишком часто верят в то, что достаточно издать указ, и армия автоматически станет ему следовать, однако ни один документ не может претвориться в жизнь сам по себе – нужны те, кто будет следить за его исполнением. Офицеры и солдаты неохотно подчинялись упомянутым выше приказам и кодексам, а иногда и вовсе их игнорировали. Помимо прочего, в этой книге речь пойдет именно о том, как на фоне разгорающейся войны официальные директивы становятся все менее эффективными в плане предотвращения нарушений. Гражданская война оказалась поистине «тотальной»: она потребовала эксплуатации всех имевшихся человеческих и материальных ресурсов. В ней отсутствовал «парфюмерный» период, когда армии воздерживались бы от экспроприаций. Из-за проблем со снабжением и дисциплиной обе враждующие стороны с самого начала выбрали «жесткий» подход⁶.

Созданные на скорую руку системы военного снабжения должны были обеспечивать поставки на большие расстояния. Естественно, они не справлялись. Обе армии сталкивались с проблемами на уровне организационной структуры, транспорта, технологий и финансирования, поскольку впервые участвовали в операциях подобного масштаба. Однако ученые обычно рассматривают эти проблемы с точки зрения «оптовика» – то есть служб снабжения⁷. Стоит взглянуть на них и с позиции «розницы» – под этим я понимаю непосредственное взаимодействие солдат и гражданского населения. В целом в исторической науке утвердилась точка зрения, что янки хоть и не сразу, но разобрались, как обеспечить поставки, в то время как конфедератам этого не удалось. Однако если посмотреть непосредственно на поведение солдат, то станет ясно: в плане снабжения ни та ни другая сторона не отличались особой эффективностью действий. Даже армию федералов нельзя было назвать отлично смазанной военной машиной⁸.

Когда речь шла об обучении занимающих ключевые посты военных чиновников, обе армии исповедовали принцип «учись на ходу». Интенданты и офицеры-хозяйственники не получали практически никаких инструкций. По прибытии на фронт некоторые из них даже не знали, какой властью обладают другие офицеры – например начальники военной полиции. Капитан армии Севера Чарльз Фрэнсис Адамс вспоминал, что всему научился на собственном опыте. Он описывает армию как машину, в которой никто не понимает, что, собственно, эта машина делает. Эта проблема была характерна не только для федеральных войск. В ноябре 1862 года генерал-адъютант армии конфедератов Сэмюэл Купер убеждал генерал-майора одного из повстанческих подразделений прочесть Военный кодекс, поскольку тот, очевидно, вообще не был знаком с этим документом. Джордж Кэри Иглстон, как и многие солдаты Юга,

⁵ См. [Bledsoe 2015; Watson 2013; Herrera 2015; Skelton 1992; Chetail, Haggemacher 2011; Reardon 2012: 10–11, 15, 19–21, 87, 137; Coffman 1986: 42–211; Carnahan 2010: 23, 43, 119; Escott 2006: 17, 93–94; Davis 1991: 440, 541, 581]. Ср. [Witt 2012: 2–9, 237–238], где автор утверждает, что Кодекс Либера своим появлением обязан Линкольну.

⁶ См. [Dyer 1985: 4; Hickey 1990: 129–130; Schrijvers 1998: 105; Parker 2013: 28–29, 671]. В дискуссии о том, считать ли Гражданскую войну «тотальной» либо «жесткой», Ройстер [Royster 1991] и Феллман [Fellman 1995] утверждают, что она имела глубоко разрушительный эффект, в то время как Дилбек [Dilbeck 2016], Гримсли [Grimsley 1995] и Нили [Neely 2007] с этим не согласны.

⁷ См. [Goff 1969: 90–91, 129–130, vii; Wilson 2006: 3, 191–192].

⁸ См. [Shannon 1965: 53–103; Hagerman 1988: xi–xviii, 58; Huston 1966: 179–187; Wilson 2006: 191–192; Wiley 1943: 90–107; Escott 1978: 54–93].

ругал некомпетентных военных чиновников и утверждал, что за время войны они ничему не научились – ни выдавать паспорта, ни организовывать снабжение⁹.

Более того, ни та ни другая армия не располагали надежными механизмами, позволяющими призвать к порядку солдат, если те нарушали установленные правила. Военно-полевые суды, проводившиеся стремительно и в отсутствие какого бы то ни было установленного порядка, редко снисходили до рассмотрения дел, связанных с гражданскими лицами и их имуществом. За весь период войны всего тринадцать солдат Севера предстали перед военным трибуналом за преступления против гражданских лиц и их имущества; по оценке исследователя Роберта Алотты, за разбой, грабеж и кражу у гражданских лиц в федеральной армии казнили всего десятерых солдат. В 1862 году было учреждено Управление главного военного прокурора. Эта мера, которая должна была укрепить систему военно-полевых судов, не имела почти никакого практического значения. Данных об аналогичных военно-полевых судах или казнях в армии повстанцев не сохранилось. Структуры, аналогичной Управлению главного военного прокурора, в Конфедерации тоже не было. Однако исторические свидетельства демонстрируют, что реальная ситуация по обе стороны конфликта была практически одинаковой. В послевоенных мемуарах солдат обеих армий упоминаются многочисленные случаи нарушений. Военные не без оснований полагали, что никаких последствий у этого не будет. Системы компенсаций, предназначенные для возмещения вреда, нанесенного гражданскому населению, тоже не отличались эффективностью. В армиях Севера и Юга не было никаких страховочных механизмов, которые бы гарантировали проведение операций строго в установленных рамках. В подобном механизме нуждается каждая организация¹⁰.

Главная причина, по которой приказы оставались только на бумаге, – это менталитет большинства солдат в обеих армиях. Этими солдатами были простые люди, своенравные и непокорные; так пишут историки, и такую же точку зрения озвучивали сами военные. Армия конфедератов была слишком большой, пишет офицер-северянин Чарльз Уиллис, и потому офицеры не могли контролировать друг друга и своих солдат. Те, кто воевал «в поле», не всегда подчинялись приказам вышестоящего командования. Отдельные офицеры могли сколько угодно метать громы и молнии, порицая эксплуатацию гражданских лиц и их имущества, однако солдаты не всегда к ним прислушивались – отчасти и потому, что другие офицеры смотрели на такие действия сквозь пальцы или даже сами принимали в них участие. Многие солдаты воспринимали ограничения как досадную помеху, которую можно было обойти. С первых месяцев войны и до самого ее конца рядовые игнорировали слишком совестливых офицеров и поступали так, как считали нужным¹¹.

Чарльз Перроу, исследователь организационных структур, утверждает, что одна из причин, по которой бюрократия может оказаться неэффективной, заключается в следующем: исполнители опираются на собственную точку зрения, сформированную в течение предшествующей жизни, и создать новый комплекс ценностей, который придется по душе каждому, удастся не всегда. Солдаты времен Гражданской войны не обладали опытом ведения бизнеса, у них не было организационных навыков, и они не стремились четко соблюдать каждое требование; зачастую им было абсолютно все равно, что написано в уставах. Более того, их политическая культура предполагала сильное недоверие к чиновнической бюрократии. Когда они конфисковали у гражданских еду или древесину или вставляли к ним на постой, обычно обхо-

⁹ См. [Le Duc 2004: 68–69, 84–85; Дневник У. Ч. Брауна; Adams 1916: 135, 147; OR: 951; Eggleston 1875: 208–210].

¹⁰ См. [Borch 2016: 1; Witt 2012: 269, 273–274; Alotta 1989: 202–209; Kastenberг 2011: 193–228]. С аналогичными бюрократическими сложностями сталкивались медицинские департаменты и Бюро Свободы; см. [Humphreys 2013: 34–36, 38–39, 129–130, 208–242; Downs 2012: 81–82]. Патентная служба Конфедерации работала более эффективно, потому что располагала небольшим и опытным коллективом сотрудников; см. [Knight H. 2011: 4, 49–52, 204–205].

¹¹ См. [Mitchell 1988: 138, 140–146; Glatthaar 2008: 176–185; Hughes N. 1995: 26, 82; Wills 1906: 360–361; Ramold 2010: 273–276, 286–287; Wiley 1943: 217–243; Wiley 1962: 193–223].

дилось без заполнения каких бы то ни было документов – никому не хотелось с этим возиться. Если солдат не хотел выполнять приказы, он их не выполнял. Вместо того чтобы быть жесткими и непреклонными, военно-бюрократические структуры обеих армий были вялыми и чрезмерно перегруженными. Между тем солдатами двигали самые базовые нужды: найти пропитание, тепло и кров. Ради этого они были готовы почти на все. Результатом стала «тотальная» по своей разрушительности война, не отличавшаяся эффективностью¹².

Во время войны у военных и гражданских существовало множество точек пересечения. В некоторых случаях можно говорить, что они подчинялись правилам. Как мудро отмечает историк Пол Эскотт, между белым гражданским населением и армией Юга наблюдалось активное «взаимопроникновение», и то же самое можно сказать о белом гражданском обществе Юга и армии Севера. В некоторых отношениях военное и гражданское население было очаровано друг другом. Многие гражданские лица не оставались в стороне от войны и играли в ней важную роль. Однако интересы военных и гражданских расходились, и чем дальше, тем сильнее. Когда нужды одних сталкиваются с нуждами других, нонкомбатанты полагают, что приоритетом должны пользоваться именно они, особенно если на кону стоит их выживание. На фоне борьбы двух армий разгорается конфликт между ними и гражданским обществом – конфликт настолько сложный, что его нельзя свести к простой виктимизации. Некоторые гражданские извлекали из связи с армией пользу, однако значительно большему их числу пришлось отдать войне своих людей, свое продовольствие, свои дрова и свои дома. Зачастую человек даже не понимал особенностей военной политики той или иной армии. В этом изматывающем поединке гражданское население проиграло¹³.

Когда жителям Америки пришлось надеть мундиры, многие из них взглянули на человеческое поведение и материальные ресурсы под совершенно новым углом. Ученые по-разному оценивают их идеологические воззрения, мнения по расовому вопросу, способы самовыражения, преданность тому или иному политическому лидеру, взгляды на эмансипацию и так далее¹⁴, однако обе армии время от времени нуждались в помощи гражданского населения. Обеим армиям требовалась провизия, тепло и крыша над головой. Зачастую солдаты решали, что могут взять все необходимое силой, отказываясь тем самым от довоенных принципов общности и разумного распоряжения ресурсами. Для некоторых неподчинение было удовольствием само по себе. Они наслаждались свободой от ограничений и «не боялись ни Бога, ни человека», как пишет интендант-янки Алдис Брайнерд. Исследователи мозга полагают, что, очутившись вне привычных социальных ограничений, человек способен совершить то, что в обычной ситуации невозможно даже представить. В толпе этот эффект становится еще сильнее. О подобном часто писали современники Гражданской войны. Северянин Эстер Х. Хоукс, работавший врачом в Южной Каролине, отмечает, что федеральные войска наслаждались, уничтожая имущество южан, потому что находились «вдали от облагораживающего влияния дома» и плохо переносили тяготы войны¹⁵.

Тем не менее в обеих армиях продолжалось горячее обсуждение вреда, нанесенного гражданскому населению и его имуществу. Некоторые предлагали ограничить действия военных. Они находили творящиеся злоупотребления ужасающими и не собирались их терпеть. Так, солдат-северянин, с ужасом наблюдавший за грабежами в Виргинии в 1862 году, отмечал, что «война выпускает на свободу демона разрушения» и «у солдат вырабатывается вкус к разрушению». Некоторые рассматривали это как религиозную проблему или как разрушение

¹² См. [Perrow 1986: 4; Grimsley 2011: 118, 135; Alvesson 2002: 1, 166–167, 172, 183; Hoffer 2007: viii, 9–10, 13; Komer 1972: viii–ix; Schuck 2014: 4, 13].

¹³ См. [Escott 2006: 72].

¹⁴ См. [Wiley 1943; Wiley 1962; Barton 1981; Jimerson 1988; Manning 2007; Sheehan-Dean 2007; Noe 2010].

¹⁵ См. [Marshall 1999: 83; Simon 1996: 4; Lewis 2013: 163, 166, 174–175]. См. также письмо Э. Х. Хоукса к «Уважаемой госпоже секретарю и другим дамам» от 26 ноября 1862 года (LC).

моральных устоев, при этом другие выступали против бессмысленной траты ресурсов. Но их голоса часто заглушали или игнорировали. Когда конфедерат Дж. М. Уэддилл утверждал, что воровство на войне – это не то же самое, что в мирной жизни, он выразил точку зрения многих военных из обеих армий¹⁶.

В данном исследовании мы также рассмотрим политические разногласия в среде белых южан и постараемся выяснить, как они повлияли на исход войны. Многие жители Юга, разумеется, были горячими сторонниками Конфедерации, убежденными, что рабство необходимо распространить на западные территории – главный пункт выборов 1860 года, – и что если этот процесс попытаются остановить, необходимо прибегнуть к сецессии. Однако многие белые южане не разделяли принципов конфедератского национализма: значительная их часть выступила против войны. На выборах 1860 года приблизительно 40 % белых мужчин в рабовладельческих штатах проголосовали против немедленной сецессии, и эта цифра никак не отражает мнения белых женщин, которые придерживались той же точки зрения, но не могли голосовать. Зимой, когда произошла сецессия, политики-южане, выступавшие за сохранение Федерации, не смогли организовать эту массу людей, однако с началом войны федеральная армия сразу же обратилась к юнионистам и юнионисткам за помощью. На ранних этапах военных действий им, как правило, помогали – точно так же сторонники сецессии поддерживали повстанческую армию. Однако постоянные требования обеих армий наносили ущерб всем гражданским, и с истощением ресурсов многие из них уже не были готовы поддерживать военных. При этом далеко не каждый противник Конфедерации был сторонником Союза: среди белых южан встречались и те, кто просто хотел держаться подальше от конфликта¹⁷.

¹⁶ См. [Stout 2006: 286–292, 321–328, 329–392, 393–394, 401; Dilbeck 2016: 4–7, 128–129, 134–135, 144, 154–155; Livermore 1897: 659; Graham 2013: 191].

¹⁷ См. [Foner 2010: 143; Williams et al. 2002: 1–2]. Историки расходятся в том, существовал ли в Конфедерации национализм и насколько он был популярен: Рубин [Rubin 2005], Уэзерингтон [Wetherington 2005], Галлагер [Gallagher 1997], Фауст [Faust 1988], Томас [Thomas 1979] и Мэсси [Massey 1966] утверждают, что националистические настроения на Юге были сильными, в то время как Майерс [Myers 2014], Стоури [Storey 2004], Уильямс, Уильямс и Карлсон [Williams et al. 2002], Байнум [Bunum 2001], Фишер [Fisher 1997], Дайер [Dyer T. 1999], Керрент [Current 1991], Даррилл [Durrill 1990], Берингер [Beringer et al. 1986], Эскотт [Escott 1978], Деглер [Degler 1974] и Татум [Tatum 1934] полагают, что они были слабыми либо что в течение всей войны на Юге оставались сторонники Союза. Фрилинг [Freehling 2001] указывает на популярность юнионизма в пограничных штатах.

Историография

Эта книга основана на работах многих замечательных ученых, однако в некоторых важных аспектах, начиная с взаимодействия солдат и гражданского населения, мы отклоняемся от точки зрения, принятой в современной науке. Ряд исследователей подчеркивает ту непоследовательность, с которой обе армии относились к гражданским лицам, а также свойственную их отношениям напряженность¹⁸, но мы, в отличие от них, рассматриваем непосредственные материальные последствия. Некоторые историки анализируют роль гендерного аспекта, учитывая, что большинство солдат были мужчинами, а среди гражданских было много женщин. Они отмечают, что война продемонстрировала податливость довоенной убежденности в неизменной, врожденной природе полов¹⁹. Однако такие исследования не затрагивают вопрос того, как мужчины и женщины использовали материальные ресурсы. Военные историки отмечают, что офицерам с трудом удавалось удерживать своих солдат под контролем, но не изучают, как это влияло на материальные ресурсы, необходимые гражданским для выживания. Если взглянуть на ситуацию шире, то подобный менталитет обеих армий – непокорных, не способных организовать полноценные поставки ресурсов – свидетельствует о том, что ни Север, ни Юг еще не дозрели до возможности быть полноценным государством того времени²⁰.

Сейчас ученые начинают изучать материальную сторону Гражданской войны, и наше исследование разворачивается в русле этого тренда. Историки Джоан Э. Кэшин и Майкл Де-Груччо описали возведенные монументы и «охоту за реликвиями», однако оставили большую часть материального мира эпохи в неприкосновенности²¹. Также эта книга опирается на новейшие исследования в области экологической истории (Лиза Брейди, Марк Фидж, Брайан Дрейк), из которых следует, что на ход войны значительно влияли природные условия. Однако взаимодействие между армиями, гражданским населением и природой необходимо изучить внимательнее²². Те немногочисленные историки, которые изучали привлечение материальных ресурсов военными, склонны обращать больше внимания на провизию и недостаточно изучать процесс с точки зрения гражданского населения; лучшим исследованием по этому вопросу остается книга Белла Уайли, написанная много лет назад. Уайли отмечает, что солдат-повстанцев, отбиравших еду у гражданских, либо «порицали», либо считали «невинными», и на этом останавливается. Фуражиры армии Севера иногда следовали предписаниям, однако Уайли признает, что порой операции могли выйти из-под контроля. Дальше эту мысль он не развивает²³. Некоторые историки рассматривали влияние войны на ситуацию с древесиной и постройками. Меган Кейт Нельсон, впрочем, больше говорит о действиях северян и рассматривает, скорее, городскую жизнь. Марк Гримсли называет июльские приказы генерала Джона Поупа (1862 год) поворотной точкой в политике и практических действиях солдат²⁴. К тому же ни один исследователь не изучал довоенное отношение к материальным ресурсам на Севере и Юге, а также их связь с событиями войны. Настоящая монография является первой работой по этому вопросу.

¹⁸ См. [Glatthaar 2008: 176–185; Escott 2006: 165–178; Sutherland 1995; Whites 2009; Ash 1995; Massey 1964: 204–211].

¹⁹ См. [Harrison 2013; Jabour 2007; Gardner 2004; Edwards 2000; Faust 1996; Whites 1995; Rable 1989; Elshtain 1995].

²⁰ См. [Reardon 2012; Ramold 2010; Escott 2006; Grimsley 1995; Mitchell 1988]. Другой взгляд на мощь и современность Конфедерации см. у [Bonner 2016: 17, 183–184, 202; Bensel 1990: 233–234]. По вопросу образования государства см. [Brooke et al. 2018].

²¹ См. [Cashin 2011; DeGruccio 2011: 15–35].

²² См. [Brady 2012; Drake 2015; Fiege 2012; Meier 2013; Judd 2014; Tucker, Russell 2004a].

²³ См. [Hess 2005: 121, 126, 161–165, 174, 257; Ash 1995: 55, 92; Escott 1978: 109–110; Wiley 1943: 102; Wiley 1962: 233–236].

²⁴ См. [Nelson 2012; Grimsley 1995].

Какие темы затрагивает и не затрагивает эта книга

В первой главе мы исследуем жизнь на довоенных Юге и Севере, в то время как в «военных» главах речь пойдет о конкретных случаях, связанных с человеческими ресурсами, провизией, древесиной и постройками Юга, поскольку именно эти ресурсы имели во время войны главную ценность. «Военные» главы охватывают промежуток времени с 1861 года по 1863 год, чтобы у нас была возможность сравнить реальное поведение военных до и после принятия знаменитых приказов Джона Поупа (1862 год) и Кодекса Фрэнсиса Либера (1863 год). В двух последних главах рассматриваются события 1864 и 1865 годов, когда кумулятивный эффект военных действий на хозяйство Юга принял пугающие масштабы. На протяжении всей книги мы рассматриваем ситуацию с точки зрения различных дисциплин, таких как изучение материальной культуры, приготовление пищи, лесное хозяйство, архитектура и наука о катастрофах. Основное внимание уделяется регулярной армии. Кроме того, в этом исследовании речь идет только о сухопутных операциях. Поскольку Юг времен Гражданской войны состоял по большей части из ферм, плантаций, деревень и маленьких городков, речь, скорее, пойдет о них, нежели о больших городах. Чернокожие южане будут время от времени появляться в тексте как свидетели и участники тех событий, однако рабы обладали меньшими материальными ресурсами, чем большинство белых, к тому же в обеих армиях существовали особые правила обращения с черными американцами. Более того, многие аспекты жизни афроамериканского населения во время Гражданской войны уже тщательно исследованы. В настоящей работе не затрагиваются вопросы конфискации хлопка или земли в соответствии с такими правительственными уложениями, как Первый и Второй законы о конфискации в Соединенных Штатах (1861 и 1862 годы), а также Закон о продовольственном налоге, принятый Конфедерацией в 1863 году²⁵.

Подобно большинству наших коллег, мы основывали свое исследование на сохранившихся рукописях. Многие документы конфедератов в конце войны пропали или сгорели, однако ряд других бумаг уцелел и дошел до наших дней, что позволяет ученому заполнить многие лакуны. С обеих сторон сохранилось огромное количество письменных свидетельств, включающих в себя письма, дневники, мемуары, газеты, рассказы о жизни в рабстве, документы Комиссии по требованиям южан, протоколы полевых судов, интендантские записки и другие материалы, хранящиеся в Национальном архиве. Помимо того, что включено в этот список, существует множество текстов, проливающих свет на проблемы, о которых идет речь в настоящей книге. Архив официальных записей о Гражданской войне – это невероятно обильный источник, в котором можно обнаружить данные об армиях, гражданских лицах и материальных ресурсах от начала и до конца конфликта.

Уточним значение некоторых терминов. Под словом «плантатор» понимается владелец по меньшей мере двадцати рабов. «Круглые сорок» – это расхожая фраза XIX века, когда сквоттеры заявляли свои права на 40 акров государственной земли, вырубали там весь лес и двигались дальше. Под существительным «фураж» военные обеих армий понимали пищу и древесину как для людей, так и для лошадей, а глагол «фуражировать» означал поиск таких ресурсов. Наконец, в тексте могут появиться имена прославленных военных и гражданских деятелей, однако большая часть книги посвящена обычным людям. Где это было возможно, мы стремились предоставить биографические данные, включая информацию о собственности и военное звание, однако в некоторых случаях это было невозможно узнать или подтвердить. Иногда в процессе военных действий солдат получал повышение, и его звание менялось.

²⁵ См. [Romero 2015; Cecelski 2012; Siddali 2005; Camp 2004; Hahn 2003: 13–115; Frankel 1999; Syrett 2005; Thomas 1979].

Глава 1

Старый Юг

Белые южане довоенного поколения, и мужчины, и женщины, отлично знали свои края: ландшафты Юга, его географию, сложные отношения между членами общества и нюансы местной истории. Кроме того, многие жители обладали развитыми навыками, необходимыми для обеспечения функционирования отдельных хозяйств и целых сообществ. Обладающий такими навыками человек приобретал особый статус и получал персональное удовлетворение от занятия своим делом. Когда в повседневной жизни южан происходили неприятности, они обращались друг к другу за помощью и поддержкой. Случались среди них и конфликты, основанные на классовых и иных различиях, однако большинство жителей Юга, каким бы ни было их социальное происхождение, разделяли этику общинности, согласно которой у каждого человека были обязательства перед другими людьми²⁶.

Предвоенные годы были для белых южан временем материального благополучия. Они знали, как распоряжаться разнообразными ресурсами – продуктами, древесиной и постройками, – каждый из которых имел собственную ценность и был необходим человеку для выживания. Это касалось всего американского Юга, вне зависимости от локальных различий в рационе, территории и архитектуре. Большинство белых южан – плантаторы, фермеры, юристы, доктора, издатели, священники или ремесленники, жители сельской местности или маленьких городков – ценили свои материальные возможности, используя их для собственных нужд и ради благополучия родственников друзей и соседей. Они с готовностью делились друг с другом тем, что им принадлежало. Как пишет дочь судьи Летиция Дэбни Миллер, казалось, что в этом мире «простого изобилия» ресурсов хватит на всех. Некоторые белые южане тратили эти ресурсы впустую, применяли их не по назначению или вовсе забрасывали, но большей частью местные жители стремились к разумному ведению хозяйства и избегали бессмысленного расточительства²⁷.

²⁶ См. [Ash 1995: 4–5; Crofts 1992: 75–101; Burton 1985: 75].

²⁷ См. мемуары Летиции Дэбни Миллер, с. 18, документы миссис Кейд Дрю Гиллеспи, Университет Миссисипи, Специальные коллекции (UMIS).

Люди

Начнем, собственно, с людей. Большинство белых южан разделяли систему ценностей, связанных с семейными обязательствами, гендером, религией и честью, при этом все указанные ценности существовали в рамках общинности. Основной общинности была семья, определяющий жизни большинства институтов. Под родственниками понимали вовсе не одних только родителей и детей: родственные отношения распространялись очень широко. Многие южане в мельчайших подробностях знали историю своей семьи вплоть до прадедушек или прабабушек, а то и еще дальше, и жили в окружении своих родственников. Так, у Микаджи Э. Кларка имелись родственники в шестнадцати домах округа Андерсон, Южная Каролина: кузены и кузины, дяди и тети, носившие в общей сложности семь разных фамилий. Люди из разных поколений могли жить под одной крышей на протяжении многих месяцев и даже лет²⁸.

С раннего детства у человека формировалась мысль, что родственники должны помогать друг другу. Во взрослой жизни этот принцип воплощался в плотную сеть услуг и обязательств. Зная, что может рассчитывать на щедрость своего двоюродного брата, Джеймс Дедрик, адвокат из штата Теннесси, занял у того деньги для приобретения земли. Сара Томпсон, хозяйка плантации, обращалась к своим родственникам за советами по части домашних дел: например, как правильно выткать коврик и сколько для чего потребуется ткани. Родственники посещали одну и ту же церковь, а после службы отправлялись друг к другу с визитами. Раз в месяц они отправлялись в главный город округа по делам, а заодно для того, чтобы узнать новости и еще немножко поговорить. Родственникам с готовностью давали приют. Хозяйка плантации Энн Арчер принимала у себя сына своей кузины, который путешествовал по Миссисипи, – пусть даже он слишком много пил и «очень нам не понравился»²⁹.

Еще одним уровнем взаимных обязательств между членами сообщества были отношения с друзьями и соседями. В повседневной жизни белые южане постоянно оказывали друг другу крупные и мелкие услуги. Некая миссис Пледжер из Уолнат-Хилла, Южная Каролина, зашла к своим соседям, семье Маклеод, и попросила написать для нее несколько писем. Юная Кейт Маклеод не была в восторге от перспективы писать «эту тягомотину» для старушки-соседки, однако это был ее долг, и она его выполнила. Когда незадолго до местных выборов в 1859 году несколько подвыпивших молодых людей стали петь песни перед домом коммерсанта Карни в штате Теннесси и один из них уснул на крыльце, мистер Карни пригласил его пройти в дом и проспать. Отправляясь в столицу округа, человек мог забрать там почту, адресованную его соседям, и развезти ее по домам. Добрососедское поведение отмечалось и запоминалось³⁰.

Для установления социальных связей имелся крайне эффективный, проверенный временем способ – гостеприимство. Родственники, друзья и соседи регулярно посещали друг друга. Это могли быть как спонтанные, так и спланированные визиты, которые во втором случае длились несколько дней или даже больше. Официальные приемы также были в чести. Как вспо-

²⁸ См. [Burton 1985: 47, 57, 123; Wyatt-Brown 1982: 117–291]. См. также дневник и автобиографию Уильяма Г. Холкомба, т. I, с. 1–10, UNC-SHC; дневник Микаджи Адольфуса Кларка, с. 32–64, USC; автобиографию Марты Луизы П. Бранч, с. 1, семейный архив семьи Манфорд, Историческое общество Виргинии (VHS).

²⁹ См. письмо Джеймса М. Дедрика «Дорогому кузену Джорджу» от 30 апреля 1859 года, архив семьи Маррелл, Университет Виргинии, Библиотека специальных коллекций Альберта и Ширли Смолл (UVA); письмо Сары С. Томпсон Вирджинии А. Шелби от 15 июля [1832 или 1833 года], коллекция Григсби, Историческое общества Филсона (FHS); письмо Энн М. Шанк «Дорогой Мэт» от 27 сентября 1856 года, бумаги Джозефа Белкнапа Смита, Университет Дьюк, Библиотека редких книг и рукописей (DU); письмо Энн Арчер Эдварду Арчеру от 25 марта 1855 года, бумаги семьи Ричарда Т. Арчера, Университет Техаса в Остине, Центр американской истории имени Дольфа Бриско (UTA). См. также [Cooper-Hopley 1863: 75].

³⁰ См. письмо Кейт Маклеод Альберту Блу от 25 марта 1856, бумаги семьи Мэтью П. Блу, Алабамский архивно-исторический отдел (ALA); дневник Кейт С. Карни, запись от 3 августа 1859 года UNC-SHC; некролог Томаса Хардина, опубликованный в газете «Кроникл» (Августа, Джорджия) 14 августа 1853 года, с. 3. См. также [Livermore 1889: 205–206].

минала жительница Техаса Мэри Мэверик, в каждом уважающем себя доме было специальное помещение для приемов и балов. Особенно часто было принято собираться по праздникам. В обычные дни года многие белые южане считали свои долгом давать приют белым путешественникам. Отец Джона Фрэнклина Смита владел плантацией в округе Бэйтс, штат Миссури, и всегда безвозмездно предоставлял проезжим кров. На это пошел бы не каждый, но таков был идеал³¹.

Принцип общинности Старого Юга распространялся и на белых янки, переехавших в южные штаты, и на эмигрантов из Европы, если они принимали наличие института рабства. Джейсон Найлз, уроженец Вермонта, переехал в Миссисипи в сороковые годы. К 1861 году он уже стал процветающим юристом в округе Аттала, где у него было много друзей и благожелательных соседей. То же самое происходило и с выходцами из Европы. Немцы и ирландцы селились не только в крупных городах, но и в городках наподобие Стаунтона, Виргиния. Несмотря на отдельные случаи шовинизма и предубеждения против католиков (многие из новоприбывших принадлежали к Католической церкви), большая их часть жила в мире со своими соседями-протестантами англо-саксонского происхождения. Аналогичным образом обстояло дело и с небольшим количеством евреев, поселившихся в городках и деревнях Юга³².

Классовые отношения между белыми членами этого общества считались вопросом, требовавшим осторожности. Рабовладельцы, которым принадлежала большая часть собственности, должны были обеспечить себе поддержку или хотя бы признание со стороны других белых. Многие из них старались поддерживать хорошие отношения с остальными из просвещенного интереса, религиозного долга и того, что ощущается как искреннее желание помочь ближнему. Так, жители Манчестера, штат Виргиния, очень ценили Ребекку Харрис, обладавшую талантом сиделки. К ней обращались за помощью люди из разных социальных слоев, и она, как правило, соглашалась им помочь. На юге Южной Каролины плантаторы понимали, что фермерам требуются деньги, когда те предлагали своим более обеспеченным соседям купить у них корзины или шерсть. Дочь одного из таких плантаторов утверждала, что обе стороны без лишних слов понимали, что стоит за подобными сделками. Высокомерие элит сдерживали и родственные связи. Бывшая рабыня Энн Брум, жившая неподалеку от Уиннборо, Южная Каролина, отмечала, что местные плантаторы «хорошо» относились к белому мужчине из рабочего класса по имени Маршалл, поскольку он приходился родственником председателю Верховного суда США Джону Маршаллу³³.

Гендер тоже играл важную роль в том, как южане распоряжались отдельными ресурсами. Начиная с детства, они усваивали мысль, что у мужчин и женщин разное предназначение. Мальчики учились охотиться, рыбачить, ездить верхом и стрелять; девочек обучали кулинарии, шитью и ведению домашнего хозяйства. Во взрослой жизни, как это бывает во многих культурах, четкая гендерная дифференциация прослеживалась в подходе к материальным ресурсам. Каждый пол специализировался на своей группе этих ресурсов, хотя и мужчины, и женщины владели базовыми навыками, необходимыми в домашней жизни. Мужчина принимал большинство важных решений, и предполагалось, что женщина будет их выполнять. Взамен за это она получала защиту. Женщины, которые не могли принять такое распределе-

³¹ См. [Taylor J. 2008: 62–63; Green 1921: 55; Murr 2001: 64]. См. также письмо Мэри Р. Кирквуд Эмме Чеснат от 20 июля 1841 года, бумаги семей Кокс и Чеснат, USG; интервью с Джоном Франклином Смитом. «Истории американской жизни», LC, URL: <http://ts6.loc.gov>.

³² См. [Zimring 2014: 67–97; Stern 2012: 2–17, 18–37; Weissbach 2005: 12–13]. См. также дневник Джейсона Найлза, записи от 20 июля 1863 года и от 1 февраля 1864 года, бумаги Джейсона Найлза, UNC-SHC; дневник Джозефа Уэдделла, записи от 26 февраля 1856 года и от 24 сентября 1857 года, проект «Долина тени», Университет Виргинии (VSP).

³³ См. автобиографию Марты Луизы П. Бранч, с. 1, семейный архив семьи Манфорд, Историческое общество Виргинии (VHS); интервью с Энн Брум, с. 105, URL: www.loc.gov. См. также [Pringle 1922: 18].

ние ролей, покидали регион, как это сделали Сара и Анджелина Гримке из Южной Каролины, которые переехали на Север и занялись общественным активизмом³⁴.

Благодаря многолетнему общению местные жители знали друг о друге практически все. Большинство белых южан очень заботились о том, что о них думают соседи. И мужчины, и женщины не лезли за словом в карман, если они чего-то не одобряли. Врач Харди Утен назвал молодых людей, собиравшихся в баре города Лондесборо, штат Алабама, чтобы выпить и поболтать, «сплетниками в худшем смысле этого слова». Женщины обсуждали между собой слухи о недостойном поведении кого-либо, и последствия этого могли быть самыми серьезными. Жительница Техаса Элизабет Клэри предположила в разговоре с сестрой, что их соседка из округа Граймз была неверна мужу. Когда этот слух распространился по окрестностям, местная методистская церковь начала собственное расследование. Ни мужчины, ни женщины не хотели подвергаться неодобрению общества. Хозяйка плантации Энн Гейл просила своего сына никому не рассказывать, как она отзывалась в кругу семьи о некоторых неприятных родственниках, потому что «ужасно боялась, что <ее> будут обсуждать»³⁵.

Когда случалось несчастье – например пожар – ожидалось, что на помощь пострадавшим придут все. В многих сообществах существовали добровольные пожарные бригады, однако стоило начаться пожару, как все, от мала до велика, бросались его тушить. Иногда в качестве сигнала тревоги трубили в рог. Когда в Александрии, штат Виргиния, загорелась столярная мастерская, остановить распространение огня пожарным помогли местные жители. Время от времени пожары случались на огромном болоте Грейт-Дисмал, расположенном на границе штатов Виргиния и Северная Каролина. Пламя распространялось на территорию обоих штатов, уничтожая на своем пути дома, деревья и изгороди. У местных жителей были все основания бояться пожаров. Зачастую причиной возгорания был удар молнии. В сельской местности огонь мог распространяться очень быстро³⁶.

В жизни большинства белых жителей Юга местные институты играли куда более важную роль, чем федеральное правительство. Самым заметным представителем федеральной власти был, судя по всему, почтмейстер. Но даже его функцию иногда брали на себя местные жители, самостоятельно доставлявшие почту своим соседям. Представителя Федеральной службы переписи населения, который раз в десять лет объезжал окрестности, согласно закону, назначали из числа местных жителей. Что касается укомплектованной представителями городского управления судебной власти, то этих представителей все отлично знали – поскольку пересекались с ними в тавернах, на мельницах и в частных домах. В случае преступления, будь то недостойное поведение, пьяная выходка, кража, нападение или убийство, свой вердикт выносили именно они³⁷.

Разумеется, в любом округе, поселке и городке имелись случаи пренебрежения этим духом общинности. В любом сообществе имелись свои примеры соперничества, мелочности и жестокости: белые южане порой вполне могли критиковать, осуждать и порицать своих современников. Время от времени проступали на поверхность классовые различия, от которых невозможно полностью избавиться. В Миссисипи фермеры выкрикивали оскорбления в адрес белых женщин, если те ехали в роскошном экипаже, и белых мужчин, если те были одеты

³⁴ См. [Wolfe 1995: 2–3, 58–64; Glover 2007: 25; Batchelor, Kaplan 2007: 2–7; Cashin 1996: 10; Burton 1985: 128; Lerner 1967: 41, 54–60].

³⁵ См. дневник Харди В. Утена, 2: 47, запись от 9 июля 1840 года, документы Харди Векерса Утена, ALA; свидетельство Элизабет Энн Клэри по делу доктора Уилсона, 17 октября 1850 года, протокол ежеквартального заседания Методистской епископальной церкви округа Монтгомери, Библиотека штата Техас и Архивная комиссия; письмо Энн М. Гейл «Дорогому сыну» от 28 марта 1852 года, документы семей Гейл и Полк, UNC-SHC.

³⁶ См. [Pringle 1922: 129–130; Hazen, Hazen 1992: 66–78, 129–131; Outland 2004: 63; Рупе 2010: xvi]. См. также статью «Местные изделия» в газете «Газетт» (Александрия, Виргиния) от 16 июня 1854 года, с. 3 и статью «Новости штата и города» в газете «Ричмонд Уиг» от 23 апреля 1855 года, с. 2.

³⁷ См. [Klein 1999: 33; Anderson M. 2015: 19; Edwards 2009: 7, 64–99].

слишком нарядно. Не каждый плантатор утруждал себя тем, чтобы скрывать свое презрение по отношению к рабочему классу. Бывший раб Роберт Уильямс вспоминал, что когда к его хозяину Клинтону Клэю приходили белые бедняки, то их заставляли входить через черный вход. Тех, кто нарушал невидимую границу между черными и белыми, ждало самое суровое наказание. В Северной Каролине белым беднякам запрещалось обмениваться вещами с рабами. Если белого ловили на попытке такого бартера, то местные плантаторы объединялись, чтобы заставить его продать землю и уехать, угрожая в случае неповиновения смертью. Ренегатам наподобие Сары и Анджелины Гримке, Уильяма Г. Брисбейна и Джеймса Г. Бирни, открыто критиковавшим работорговлю, приходилось уезжать на Север – своей волей или по принуждению³⁸.

³⁸ См. [Williams et al. 2002: 9; Ingraham 1835: 171; Perdue et al. 1976: 323, 326; Avirett 1901: 118–119; Lerner 1967: 41, 53–56, 60; Baggett 2003: 21, 71–72; Fladeland 1955: 90–92, 113–123].

Продукты питания

Дух общинности, свойственный белым жителям Юга, имел много материальных проявлений – в том числе и в виде еды. Юг был богатым аграрным регионом со множеством процветающих ферм и плантаций, где в лугах паслись коровы и свиньи, во дворах квохтали куры, в реках плескалась рыба, а в лесах обитало множество дичи. Большинство плантаторов питалось лучше, чем средней руки рабовладельцы, а у тех, в свою очередь, был более разнообразный рацион, чем у большинства фермеров, однако подавляющая часть жителей региона так или иначе не испытывала проблем с едой. Типичные южные блюда подразумевали высокое содержание белка, соли и сахара. Еду считали важным ресурсом, который нужно беречь. Врач Уиллис Лиа жил в бревенчатом доме и с гордостью писал своему брату, что живет хорошо, питается хорошо и его семья здорова. Хороший аппетит и обильная пища – это важная составляющая хорошей жизни, отмечала Матильда Финли из Алабамы³⁹.

Как и во многих других обществах, за приготовление еды большей частью отвечали женщины. На Старом Юге это относилось к женщинам любого социального положения – от жены фермера до владелицы плантации. Элиза Робертсон из Луизианы, жена плантатора, умела делать сыр, заготавливать сухофрукты, варить варенье из арбуза и набивать колбасы, хотя в большинстве богатых домохозяйств тяжелую работу на кухне выполняли рабы. Белые женщины бережно относились к своим кулинарным познаниям. У мужа Марты Динсмор из Кентукки было одиннадцать рабов, но на протяжении почти тридцати лет она вела кулинарные книги, в которые вкладывала засушенные растения, вырезки из газет и рецепты от родственников. Кроме того, у женщин были церемониальные обязанности. Старшая из присутствующих на трапезе женщин, будь то мать или старшая дочь, садилась во главе стола⁴⁰.

Белые мужчины также работали по хозяйству. Фермеры и мелкие рабовладельцы трудились в полях: весной сеяли, летом ухаживали за посевами, осенью собирали урожай. Некоторые плантаторы проводили у себя сельскохозяйственные эксперименты, стараясь вывести и вырастить различные виды бобовых. Большинство мужчин с детства умели охотиться и рыбачить. Фермеры отправлялись на охоту, чтобы разнообразить свой стол. Адвокат Макски Грегг занимался охотой ради удовольствия и провел в компании приятелей на побережье Южной Каролины немало часов. Другой обитатель этого штата, плантатор Томас Чаплин, тоже любил природу и приносил к семейному столу с рыбалки окуней, кейпкодского карася и речного горбыля⁴¹.

Большинство белых южан охотно делились пищей с близкими и друзьями. Мужчины дарили друг другу рыбу, инжир и другие продукты для общего стола, пусть иногда это было связано с материальными затруднениями. С. Р. Эгглстон из Ричмонда отправил своим родственникам в округ Клейборн, Виргиния, бочонок муки, бочонок сельди и связку фруктовых саженцев. Женщины также обменивались съедобными подарками, вручая кофе за яйца. Подруги

³⁹ См. воспоминания Анны Клейтон Логан, с. 14, 19, VHS; письмо Уиллиса Лиа Уильяму Лиа от 11 января 1847 года, документы семьи Лиа, UNC-SHC; письмо Матильды Финли Кэролайн Гордон от 14 января 1854 года, документы Джеймса Гордона Хэкетта, DU. См. также [Hilliard 2014: 21, 40–52, 67, 235; Smedes 1887: 84]. Кукуруза была основой кухни Америки, а на Юге ее выращивали больше, чем во всех остальных регионах: см. [Kennedy 1964: l–li].

⁴⁰ См. [Counihan 1998: 4–7; Cecil-Fronsman 1992: 143–144; Sharpless 2010: 3–4]. См. также дневник Элизы Робертсон, записи от 30 ноября 1854 года, от 2 декабря 1854 года, от 20 марта 1855 года, документы Элизы Энн Марш Робертсон, UNC-SHC; кулинарная книга Марты М. Динсмор, 1829–1857, усадьба Динсмор, Берлингтон, Кентукки, URL: www.dinmorefarm.org/biographies (дата обращения: 03.02.2023); дневник Кейт С. Карни, запись от 12 июля 1859 года, UNC-SHC.

⁴¹ См. [Cecil-Fronsman 1992: 1, 103–109; Shields 2015: 8–9, 146; Marks 1991: 28, 46–48; Ingraham 1835: 172; Rosengarten 1986: 130–131]. См. также письмо Х. Х. Харриса кузену от 12 сентября 1848 года, документы семьи Персон, DU; охотничий дневник Макски Грегга, том 2, 1839–1845, записи от 6 апреля 1845 года, 9 апреля 1845, бумаги Макски Грегга, USC.

тоже проявляли щедрость. Кезайя Бривард, хозяйка плантации из Южной Каролины, испекла для свадьбы своей соседки особый бисквитный торт, несмотря на то что жених той пришелся ей не по нраву⁴².

Типичными блюдами местной кухни были, например, кукурузная каша и кукурузный хлеб – традиционная еда коренных жителей Америки, память об эпохе колонизации. Иногда на кухне использовались старинные приспособления. У хозяйки плантации Марты Мейни из Миссисипи имелась ступка для перетирания кукурузных зерен. В некоторых районах сохранились европейские традиции. Так, жители Луизианы готовили «говядину по-французски»: для этого мясо резали полосками, подвяливали, тушили над дымным огнем и разбирали на волокна. Некоторые кулинарные хитрости белые жители региона заимствовали у черных – например, рис на юге Каролины готовили по африканскому рецепту, который попал в Америку через Карибское море⁴³.

Белые южане были большими любителями мяса. Они ели и другую белковую пищу, включая морепродукты и пресноводную рыбу, но мясо любили больше всего. Как отмечает родившаяся в Англии хозяйка плантации Фрэнсис Кембл, с ростом благосостояния обычно росло количество и разнообразие потребляемого мяса. Она упоминает, что ела утятину, гусятину, индюшатину и дичь. В рационах прослеживалось классовое разделение. Самым престижным мясом долго считалась говядина, отчасти потому, что для выпаса крупного рогатого скота требуются большие пастбища, поэтому это мясо чаще встречалось на столе у плантатора. Фермеры предпочитали свинину, основу рациона у рабочего класса: выращивать свиней было проще и дешевле⁴⁴.

Хлеб был поистине «насущным», и эксплуатация мельниц на Старом Юге одновременно служила проявлением и закреплением этики коммунизма. Осенью большинство южан отправлялись на местную мельницу смолоть свою кукурузу или пшеницу. Для движения жерновов использовали мускульную силу животных – обычно мулов, безостановочно ходивших по кругу, – или воду из близлежащего ручья или рукава реки. На так называемых комбинированных мельницах перерабатывали кукурузу и древесину. Перед сменой продукта жернова чистили. Мельники были значимыми фигурами в жизни общины. Один из них, Уильям С. Блант из городка Момелл, Арканзас, брал в качестве вознаграждения одну восьмую кукурузы, которую приносили его клиенты, и продавал кукурузную крупу непосредственно населению. Он даже опубликовал в газете объявление, в котором благодарил своих покупателей⁴⁵.

По праздникам белые южане собирались на торжественные ужины, чтобы одновременно отпраздновать благоволение к ним судьбы и укрепить социальные связи. Это также характерно для многих сообществ на протяжении человеческой истории. Визит родственников становился поводом для роскошного обеда; когда встречались давние друзья, они могли последовать примеру техасца Брэнча Т. Арчера и выставить на стол мясо виргинской птицы, смитфилдовскую ветчину и виски. Южное застолье отличала обильность, а по праздникам еще и изысканная подача блюд. В доме одного флоридского плантатора к встрече Нового года на стол выставили

⁴² См. письмо Ф. Деверо Кэтрин Полк от 25 декабря 1844 года, письмо Джозайи Гейла Энн Гейл от 17 марта 1852 года, бумаги семей Гейл и Полк, UNC-SHC; письмо С. Р. Эгглстона Р. Т. Арчеру от 25 января 1858 года, документы семьи Ричарда Т. Арчера, UTA. См. также [Moore 1993: 62, 77].

⁴³ См. [McDaniel 2011: 57, 58, 171–172; Schlesinger 1984: 312; Hess K. 1992: 5–9, 95–96, 102]. См. также письмо Марты Л. Мэйни Марте Энн Мэйни от 1 февраля 1848 года, документы семьи Дуглас-Мэйни, Библиотека и архив штата Теннесси (TSLA).

⁴⁴ См. [Horowitz 2006: 1–2, 12, 17; Hilliard 2014: 40, 83–86, 95–98, 125; Kemble 1864: 20; MacClancy 1992: 151].

⁴⁵ См. мемуары Летиции Дэбни Миллер, с. 7 (документы миссис Кейд Дрю Гиллеспи, UMIS); статья «Пила и мукомольная мельница» в газете «Арканзас уикли газетт» от 17 января 1851 года, с. 4. См. также [Hickman 1962: 25, 38]. В 1850-е годы в некоторых общинах появились паровые мельницы [Hickman 1962: 26].

маленькие пирожные, огромную чашу для пунша с серебряным ковшом и узорчатые бокалы для гостей⁴⁶.

Разумеется, некоторые южане не понаслышке знали, что такое голод. В окрестностях Мерфрисборо, Теннесси, в богатые дома порой стучались нищие и просили немного еды. Когда наступала зима, соседи иногда воровали друг у друга. Однако богачи не горели желанием делиться с бедняками, и наказание за кражу могло оказаться суровым. Когда плантатор Джон Деверо поймал юного Эндрю Джонсона за попыткой украсть немного фруктов, он приказал высечь его кнутом. Семьи, в которых постоянно не было еды, могли подвергнуться обвинению в бродяжничестве, однако предполагалось, что родственники и соседи должны помогать неимущим, и большинство южан так и поступали⁴⁷.

⁴⁶ См. [Toussaint-Samat 1996: 145–146; Strother 1866: 170; Eppes 1968: 28]. См. также Амелия Томсон Уоттс. «Лето 1832 года на хлопковой плантации в Луизиане», с. 9, документы семей Сомервилл и Хауарт, Колледж Рэдклифф; письмо Брэнча Т. Арчера Ричарду Т. Арчеру от 21 октября 1853 года, документы семьи Ричарда Т. Арчера, UTA.

⁴⁷ См. дневник Кейт С. Карни, April 21, 1859, UNC-SHC; письмо О. Дж. Меррелла Джону Мерреллу от 25 апреля 1843 года, документы семьи Меррелл, UVA; дневник Аниты Дуайер Уизерс, запись от 13 августа 1860 года, UNC-SHC. См. также [Trefousse 1997: 21; Edwards 2009: 100–101].

Древесина

К лесам южане относились так же, как и к еде – они полагали, что древесины хватит на всех и что леса – это общее имущество. На Юге росли деревья разных пород: хвойные и лиственные, твердые и мягкие. Растительность варьировалась в зависимости от географических зон. На песчаных почвах у побережья росли смешанные леса с преобладанием пород деревьев с твердой древесиной, таких как дуб, а на красных глинах Пидмонта – хвойные. В начале XVII века, когда на Юге появились первые англо-американцы, регион был густо покрыт лесами. В следующие столетия ситуация не очень изменилась. К эпохе Гражданской войны здесь сохранялись просторные тихие рощи, маленькие живописные рощицы, здесь и там поднимались к небу высокие старые деревья. В 1830-е годы еще стоял дуб, посаженный в XVIII веке Джеймсом Оглторпом, основателем колонии Джорджия. Большинство белых южан считали лес бесконечно возобновляемым ресурсом, где каждый может набрать достаточно топлива. Плантадор Джеймс Эвиретт называл леса «неистошимыми»⁴⁸.

Большинство южан полагали, что без леса пейзаж не может быть красивым. Существовала сложная культура лесоводства, основанная на знании лесного хозяйства и личных предпочтениях отдельного человека. Мальчики знакомились с древесиной с детства. Роберт Джонс, двенадцатилетний сын виргинского плантатора, поразил своего наставника отличным знанием древесных пород, их характеристик и финансовой ценности. Во взрослой жизни мужчины советовали друг другу, какие деревья лучше сажать и где. Иногда у них даже были любимые породы. Один фермер из Южной Каролины сажал на своих землях кедровые сосны и отказывался срубать сосновую поросль даже на хлопковых полях. Женщины ухаживали за садами и огородами и также обладали обширными знаниями о деревьях, растениях, кустарниках и цветах⁴⁹.

Дерево считалось крайне ценным ресурсом, потому что на ферме у него находилось множество применений: из дерева строили дома, амбары, конюшни, бары, склады, делали плуги и маслобойки, вырезали мебель. В каждом доме древесина использовалась как топливо. Многие белые мужчины разделяли точку зрения Джона Ч. Кука, полагая, что для существования фермы требуются акры леса, так что большинство плантаторов и фермеров покупали землю, хотя бы частично поросшую таким лесом. Каждый год они не только вырубали деревья, но и высаживали новые, для использования их в будущем. Джон Дж. Фроубл высадил на своей виргинской плантации орешник гикори – на случай, если когда-нибудь наступят тяжелые времена и его потомкам будет нечего есть⁵⁰.

Значительная часть древесины шла на строительство изгородей – необходимого элемента фермерского хозяйства. Изгороди обозначали границу между владениями и защищали посевы от скота. На довоенном Юге часто сооружали изгородь-зигзаг, которую называли также «изгородь-червячок», или виргинская изгородь. Для этого жерди соединяли по шесть-десять штук с помощью вертикального шеста. Так получалась одна секция. Лучшие изгороди получались из влагоустойчивых, не склонных к гниению сортов древесины – таких, как длиннохвойная сосна, кипарис, кедровая сосна или белый дуб. Рекомендовалось делать изгородь зимой, когда в древесине меньше сока. На четыре мили изгороди требовалось не меньше 26 тысяч жердей,

⁴⁸ См. [Silver 1990: 14–17, 25; Lillard 1947: 153; Kemble 1864: 181, 206; Green 2006: 386; Avirett 1901: 25].

⁴⁹ См. [Livermore 1897: 154, 176–177, 360; Venet 2005: 27–31; Robertson 1960: 60–61; Stewart 1996: 180–181]. См. также письмо Л. Ч. Норвуда Джулии П. Хоуи от 12 марта 1839, документы семьи Израила Пикенса, ALA.

⁵⁰ См. [Williams M. 1989: 7; Green 2006: xxii, xxv]. См. также письмо Джона Ч. Кука Джону Т. Койту от 2 февраля 1858 года, документы семьи Джона Т. Койта, Историческое общество Далласа (DHS); список имущества в Уолтонс-Бенд [с 1830-х годов по 1850-е годы], принадлежавшего Ричарду Арчеру, бумаги семьи Ричарда Т. Арчера, UTA; военный дневник Энн С. Фроубл, с. 53.

однако сооружать ее, как и смещать при необходимости, было легко. Служила такая изгородь не меньше тридцати лет. Считалось, что поддерживать изгороди в хорошем состоянии – это часть добрососедского поведения⁵¹.

Рубка деревьев была очень тяжелым делом. Лесорубы использовали закрепленные на длинных рукоятках топоры с одной режущей кромкой. Ствол перерубали на высоте человеческого пояса: сначала делали зарубку с той стороны, куда хотели уронить дерево, а потом изо всей силы рубили с противоположной. Фермеры предпочитали небольшие деревья со стволами менее двух футов в диаметре и избегали узловатых, изогнутых стволов. На то, чтобы в одиночку очистить от леса один акр земли, обычно уходило примерно тридцать дней. Работу эту самостоятельно выполняли не только фермеры: рубкой деревьев случалось заниматься священнику Фрэнсису Макфарланду и издателю Джозефу Уэдделу, оба из штата Виргиния. Некоторые плантаторы лично подстригали деревья у себя во дворе – впрочем, за более тяжелую работу они не брались, оставляя ее рабам или белым батракам⁵².

Кроме того, лес был источником лекарственных средств. Белые южане полагались на обширные народные познания о деревьях и кустарниках, накопленные обеими расами. Считалось, что корни некоторых деревьев, в том числе подофилла и черного боярышника, обладают целительными свойствами. В «Руководстве плантатора и семейной книге по медицине» (1848) говорилось, что настойка из листьев рябины помогает от тифа. Некоторые разделяли старинное убеждение в том, что само присутствие деревьев уже полезно для здоровья. Плантатор Томас Дэбни из Миссисипи высадил вокруг своего дома широкую полосу деревьев, чтобы защитить семью от болезней. Большинство южан сходилось на том, что особенно полезны сосновые леса⁵³.

Такое уважение к лекарственным свойствам деревьев сочеталось с прагматическими знаниями о том, как заработать на лесе. Торговля лесоматериалами могла быть крайне прибыльной. Кипарисовая дранка, напиленная в лесах Северной Каролины, отлично продавалась на Севере; на протяжении почти всей довоенной эпохи в этом штате процветало изготовление скипидара и канифоли. На Юге особенно ценились деревья, росшие у реки, поскольку их можно было легко сплавить по воде или продать пароходным компаниям. Для южанина с предпринимательской жилкой лес был источником богатства. Один юрист приобрел в Кентукки 750 акров белого дуба и подсчитал, что в год сможет зарабатывать на изготовлении реек 10 тысяч долларов⁵⁴.

Поскольку леса казались неистощимыми, белые южане иногда относились к древесине легкомысленно. Некоторые плантаторы не срубали на своей земле больные деревья, «обезображивая», по выражению одного алабамца, тем самым сельскую местность. Изготовители скипидара бросали выдолбленные сосновые стволы гнить и рушиться. Представители всех социальных слоев вырубали слишком много леса, и в результате взгляд то и дело натывался на уродливые пеньки. Неразумная вырубка приводила к эрозиям и истощению почвы. Некоторые белые южане открыто порицали неразумное распоряжение лесом. В округе Ковингтон, Миссисипи, Дункан Маккензи критиковал то, как его соседи обращались с землей и тем, что на ней росло: по его словам, они попусту тратили все «ценное»⁵⁵.

⁵¹ См. [Williams M. 1989: 71–72; Lillard 1947: 77–79; Silver 1990: 132; Rosengarten 1986: 126–127].

⁵² См. [Hickman 1962: 101; Williams M. 1989: 77, 355; Durrill 1990: 14]. См. также дневник Фрэнсис Макфарланд, запись от 13 апреля 1859 года, документы семьи Макфарланд, VSP; дневник Джозефа Уэдделла, запись от 22 февраля 1857 года, VSP; письмо Уильяма Наджента Элинора Смит от 2 июля 1860 года, бумаги семей Сомервилл и Хауарт, Колледж Рэдклифф.

⁵³ См. [Fett 2002: 68; Simons 1848: 91]. См. также миссис Джон У. Уэйд. «Воспоминания восьмидесятилетней женщины», с. 13, UTA; письмо П. Барри Уильяму Гастону от 28 декабря 1831 года, документы Уильяма Гастона, UNC-SHC.

⁵⁴ См. [Durrill 1990: 9; Outland 2004: 35–61; Gudmestad 2011: 148–150]. См. также статью «Ценные земли на Йорк-Ривер» в газете «Ричмонд Уиг» от 2 июля 1850 года, с. 4; письмо Дж. Д. Имбодена Джону Маккью от 3 декабря 1860 года, архив семьи Маккью, VSP.

⁵⁵ См. статью «Усовершенствования на Юге» в альманахе «Дебауз ревью», ноябрьский выпуск 1855 года, с. 724; письмо

И все же многие белые южане высоко ценили деревья. Помимо практической выгоды лес оказывался для человека местом, где можно отдохнуть душой. Зачастую жители Старого Юга занимались ландшафтным дизайном. Сэмюэл У. Леланд, врач из округа Ричланд, Южная Каролина, высадил перед домом аллею из пятнадцати вязов и запретил их срубить. Салли Джейн Хибберд, дочь фермера, любила заросли жимолости и девичий виноград, оплетавший крыльцо в доме ее тети в штате Виргиния. Благодаря старинному обычаю вырезать на стволах деревьев свои имена – так называемые арбоглифы – деревья становятся своеобразным историческим документом. На северо-западе Джорджии местные жители сотнями вырезали свои имена на некоторых деревьях, принадлежавших семейству Биттинг⁵⁶.

Лес любили не только богатые люди. Кейт Плэйк, родом из скромной семьи, жившей в округе Бат, Кентукки, любила бродить в зарослях деревьев недалеко от своего дома. Лиззи Джексон Манн, дочь священника, прогуливалась с родственниками в рощах округа Глочестер, Виргиния. Южане разного общественного положения, выросшие среди сосен довоенного Миссисипи, тосковали по ландшафтам своего детства. Некоторые по традиции опасались диких зарослей, однако в целом преобладала более романтическая концепция XIX века, согласно которой лес был царством покоя и красоты⁵⁷.

Большинство белых южан верили, что деревья хватит на всех. Иногда они вполне могли вытащить жердь из соседского забора; если путешественнику требовалось починить повозку, он срубал дерево на обочине тракта, не спрашивая разрешения ни у кого. Экипажи пароходов постоянно рубили деревья, росшие у реки, бросая взамен деньги в специальные ящички, прибитые к стволам. Правительство пыталось бороться с практикой «круглых сорока», когда сквоттеры вырубали деревья на общественных землях. Некоторые землевладельцы наказывали браконьеров за рубку леса на их земле, однако многие белые американцы по умолчанию полагали, что древесины очень много и что на доступ к лесам имеет право каждый⁵⁸.

Дункана Маккензи Дункану Маклорину от 6 июля [1846 года], документы Дункана Маклорина, DU. См. также [Outland 2004: 98–99; Stoll 2002: 8, 121–124, 129].

⁵⁶ См. [Berry 1977: 182]. См. также дневник Сэмюэла Уэллса Леланда, запись от 16 февраля 1856 года, бумаги Сэмюэла Уэллса Леланда, USC; письмо Салли Джейн Хибберд к Джейн Г. Кифер, документы Джейн Г. Кифер, Историческое общество Огайо (ОНС); письмо Евгении Биттинг Кейду Гиллеспи, б/д, 1928, документы миссис Кейд Дрю Гиллеспи, UMIS.

⁵⁷ См. [Plake 1868: 11; Hickman 1962: 2; Green 2006: 386; Williams M. 1989: 10, 14–15]. См. также Лиззи Джексон Манн. «Воспоминания о Гражданской войне с 1861 года по 1865 год», с. 7, VHS.

⁵⁸ См. [Rosengarten 1986: 126; Green 1921: 18; Schlesinger 1984: 150–151; Carter et al. 2016: 5; Lillard 1947: 157–159]. См. также статью «Правонарушения на общественных территориях» в газете «Арканзас уикли газетт» от 16 августа 1850 года (страницы не пронумерованы) и статью «Окружной суд» в газете «Даллас геральд» от 20 октября 1858 года, с. 2.

Жилье

Самым главным строением был жилой дом, в котором видели святилище и убежище. В замкнутом домашнем пространстве, в своем особом мире, человек, казалось, был защищен от любой угрозы. Именно здесь протекала личная жизнь: родственники собирались на свадьбы, отмечали рождение детей и горевали по усопшим. Здесь бурлила социальная жизнь, когда в гости приезжали друзья и соседи. Для многих белых южан, включая фермеров, дом их детства, по выражению Альберта Блу, нес в себе «священные» ассоциации. Столь же горячо они любили и те дома, в которых жили, став взрослыми. Сара Г. Браун, жена рабовладельца, писала, что, когда она вернулась из путешествия, ее дом в Уилкесборо, Северная Каролина, показался ей еще прекраснее⁵⁹.

С точки зрения красоты и пользы для здоровья было важно выбрать для дома подходящее место. Большинство белых южан полагало, что жить на холме полезнее, чем в низине, поэтому богатые семьи предпочитали селиться именно там. Фермеры-йомены, как правило, жили на более дешевых песчаных землях, не дававших богатого урожая. Деревья защищали здание от ветра. Не стоило располагать дом слишком близко к воде, потому что там, как выяснил один житель Южной Каролины, слишком много комаров. Он возвел строение, получившее позднее название «Каприз мистера Б», и всего через три месяца покинул его, потому что расположение этого строения оказалось очень неудачным. Большинство южан имели четкие представления о том, как должен выглядеть двор: там полагалось выращивать деревья, кустарники и цветы⁶⁰.

Как правило, дома строили из местных пород дерева, используя традиционные архитектурные решения: двухэтажное здание с двумя комнатами на каждом этаже или два бревенчатых домика, соединенных коридором. Обеспеченные люди нанимали профессиональных архитекторов для того, чтобы те спроектировали им большой дом в федеральном или итальянском стиле, хотя некоторые предпочитали собственные вариации. Коммерсант Э. М. Перин построил к своему кирпичному особняку в Кахабе, Алабама, вестибюль с башенкой. Некоторые белые южане сами проектировали свои дома, вкладывая в это немало времени, сил и энергии. Мэри и Уильям Старн решили, что их дом в округе Лаймстоун, Техас, должен быть шестикомнатным, с четырьмя каминами и верандой⁶¹.

Рабовладельцы часто привлекали к строительству своих невольников. Кроме того, можно было нанять белых работников или свободных черных. Дом Мида Карра, обычное каркасное здание 18 на 20 футов в глубинке штата Миссури, построили белые. Иногда рабовладельцы сами выполняли часть работы – например, клали каминные трубы. Йомены, фермеры, ремесленники и учителя строили себе бревенчатые домики на одну-две комнаты и всегда были готовы помочь на стройке родственнику или соседу. Для строительства такого домика требовалось порядка восьмидесяти бревен. Сам процесс, в зависимости от количества его участников, занимал от одного до трех дней. Предполагалось, что на помощь придут другие белые мужчины, и каким бы богатым ни был сосед, его отказ помочь в такой ситуации считался проявлением высокомерия⁶².

⁵⁹ См. [Garrett 1990: 15; Bollnow 2011: 124–128; Felton 1919: 40; Cecil-Fronsman 1992: 152]. См. также письмо Альберта Блу сестре от 24 июля 1855, документы семьи Мэтью П. Блу, ALA; письмо Сары Г. Браун Кэролайн Браун от 5 августа 1848 года, документы Джеймса Гордона Хэкетта, DU.

⁶⁰ См. [Schlesinger 1984: 60, 382, 430; Martineau 1838: 51–52]. См. также письмо Д. Дж. Ренчера Уильяму Мерритту от 5 сентября 1851 года, документы Абрахама Ренчера, UNC-SHC; Уэйд. «Воспоминания восьмидесятилетней женщины», с. 8.

⁶¹ См. [Walker, Detro 1990: 53–54; Burke 2010: 71–72; Bishir 2006: 1, 11–49, 20; Fry 1908: 37]. См. также письмо Мэри Э. Старнс Саре Дж. Томпсон от 20 сентября 1860 года, письма Уильяма Г. Килпатрика, DHS.

⁶² См. письмо Мэри Э. Старнс Саре Дж. Томпсон от 20 сентября 1860 года, письма Уильяма Г. Килпатрика, DHS; письмо Мида Карра Бернарду Карру от 3 декабря 1831 года, документы семьи Карр, UVA; опросники ветеранов Гражданской войны штата Теннесси, интервью с Леандером К. Бейкером, URL: <http://tn-roots.com/tnrockett/military/quest/quest-index.html>

Самые старые здания на Юге датировались XVIII веком. Некоторые из них были спроектированы в георгианском стиле – например «Беркли», трехэтажный кирпичный особняк, построенный на берегу Джеймс-Ривер в 1726 году. Другие плантаторские дома вели свою историю с начала XIX века: когда-то это были простые бревенчатые домики, к которым впоследствии пристраивали крыльцо и второй этаж, а потом обшивали получившееся строение досками. Некоторые южане очень гордились своими старинными обиталищами. Джон Уайет родился в округе Маршалл, Алабама; к 1861 году его родному дому уже исполнилось сорок лет, и он надеялся, что здание простоит еще не меньше века. Дома могли служить одной и той же семье на протяжении многих поколений: еще один способ сберечь материальные ресурсы. Дункан Блу, фермер и производитель скипидара из округа Камберленд, Северная Каролина, жил в доме, который когда-то принадлежал его деду⁶³.

Самыми заметными, пусть и немногочисленными строениями были дома плантаторов. Кирпичные или деревянные, они возвышались на холмах, в отдалении от дороги, и к их главному входу обязательно вела длинная обсаженная деревьями аллея. Такой дом не просто служил для своих владельцев тихой гаванью: он был символом богатства и принадлежности к элите. Ли Биллингсли вспоминал, как его отец построил в округе Бледсоу, Теннесси, кирпичный дом из двенадцати комнат. Часто такие дома строили в неогреческом стиле и украшали белыми колоннами: строгие, симметричные и величественные колоннады не только отвечали представлениям о прекрасном, но и помогали удержать в доме прохладу. Построенные, как заявил один из владельцев, из «наилучших материалов», плантаторские дома состояли из множества комнат и стоили несколько тысяч долларов – куда больше, чем мог себе позволить средний белый житель Юга⁶⁴.

Внутри любого дома, каким бы ни был социальный статус его хозяина, находилось множество самых разных объектов как практического, так и чисто декоративного назначения. Некоторые вещи изготавливали вручную, остальные – приобретали в магазине. Многие предметы имели хозяйственное назначение и могли пригодиться в повседневной жизни: например, рыболовные снасти и медицинский сундучок, выставленные в доме надсмотрщика из Южной Каролины. Однако у людей любого класса имелись вещи, предназначенные исключительно для собственного удовольствия. У Харриет Ванн, жены йомена из округа Честерфилд, Южная Каролина, имелась скрипка. Среди любимых вещей могли быть и более практичные, причем не обязательно дорогие. Мэри-Энн Кобб, жена конгрессмена, с нежностью описывала «теплый на вид» хлопковый коврик, ситцевые занавески и книжные полки в своем доме в Афинах, Джорджия. В богатых домах можно было увидеть кровати из красного дерева и другие свидетельства потребительской культуры, сложившейся к концу XVIII века⁶⁵.

Дом был еще и хранилищем воспоминаний: в нем хранилось множество любимых сувениров, воплощавших в себе историю семьи. Многие белые южане с пиететом относились к своим Библиям: мужчины, как правило, завещали их вместе с другими «семейными книгами» женам и дочерям. Женщины часто были хранительницами материальной истории семьи.

(в настоящее время ресурс недоступен). См. также [Taulbert 1995: 20; Green 1952: 24; Williams M. 1989: 72–73; Crofts 1992: 57; Smedes 1887: 67].

⁶³ См. Национальная программа по охране исторических памятников, Национальная парковая служба, Беркли, URL: sr.nps.gov/nhl/detail.cfm (дата обращения: 03.02.2023); письмо Дункана Блу «Дорогому кузену» от 13 октября 1858 года, документы семьи Мэтью П. Блу, ALA. См. также [Burke 1941: 43; Ierley 1999: 238; Wyeth 1914: 8a].

⁶⁴ См. [Vlach 1993: 6, 8; Fry 1908: 53–54; Roth 2001: 162–163; Bishir 2006: 44–46]. См. также опросники ветеранов Гражданской войны штата Теннесси, интервью с Ли Т. Биллингсли, URL: www.tngenweb.org/bledsoe/bdocs/html (дата обращения: 03.02.2023); статья «На продажу» в газете «Мобайл реджистер» от 11 апреля 1860 года.

⁶⁵ См. [Martineau 1838: 56; Anderson J. 2012: 13–15; Martin 2008: 43–44, 196–197]. См. также Харриетт Ванн, дело 17229, итоговая сводка, ящик 239, документы по урегулированным делам, Комиссия по требованиям южан (SCC), RG 217, Администрация Национальных архивов и записей – II, Колледж-Парк, Мэриленд (NARA-II); письмо Мэри-Энн Кобб Хауэллу Коббу от 8 января 1850 года, документы семьи Хауэлла Кобба, Университет Джорджии, Библиотека редких книг и рукописей Харгретта (UGA); аукцион собственности Израила Пикенса, 1827 год, документы семьи Израила Пикенса, ALA.

Они собирали дагерротипы своих родственников, вставляли их в красивые рамки, берегли письма, оставшиеся от предыдущих поколений, – невозможные свидетельства их личной истории. Со временем сентиментальная ценность таких предметов, пусть даже самых простых, росла. Через несколько десятилетий даже обычная прялка становилась частью семейного наследия. Некоторые женщины чувствовали глубокую связь со своими вещами. После смерти родителей Эллен Уоллис из Кентукки навестила их дом; она пишет, что неодушевленные объекты «громко звали ее», когда она проходила мимо⁶⁶.

Белые южане любого социального положения любили свои дома и то, что находилось внутри этих домов. Жительница Джорджии А. Э. Харрис, муж которой владел несколькими рабами, находила свой бревенчатый дом довольно «симпатичным». Многим нравилось обсуждать дома своих соседей. В Миссисипи Летиция Дэбни Миллер любовалась богато отделанным домом своего дяди, однако пришла к выводу, что жить там не очень комфортно – собственное, более скромное обиталище нравилось ей куда больше. Потерять свой дом, каким бы маленьким, дешевым и старым он ни был, было очень тяжело. Врач Харди Утен с болью описывает поездку к дому своего детства в округе Берк, Джорджия. Он обнаружил, что здание заброшено, а двор зарос кукурузой, и это словно бы навеки отделило его от воспоминаний детства⁶⁷.

Впрочем, как отмечает Джон Грейдон, не каждый белый южанин относился к своему жилищу с подобной нежностью. Некоторые его соседи в округе Алачуа, Флорида, строили свои дома как придется и нисколько ими не гордились. Были случаи, когда владельцы не заботились о состоянии своего дома. Фермер Хью Маклорин знал, что «Старый дом», в котором жили они с женой, пришел «в состояние разрухи», поэтому завещал сыновьям деньги на ремонт, если они захотят его восстановить. В большей части общин имелось несколько заброшенных домов. В округе Хардемэн, Теннесси, в 1860 году по неизвестным причинам были оставлены несколько домов. Однако их владельцы, скорее всего, ушли из них не по своей воле, поскольку любой дом был ценным материальным активом⁶⁸.

⁶⁶ См. [Akhtar 2005: 17–21, 49–50, 67–68; Felton 1919: 16; Pringle 1922: 44–45]. См. также завещание Джордана Флорноя от 21 июня 1833 года, Книга завещаний № 9 округа Паухэтан, Виргиния, Библиотека штата Виргиния; завещание Литтлбери Кларка от 6 января 1840, Книга завещаний № 8 округа Принс-Эдвард, Виргиния, Библиотека штата Виргиния; письмо Марианны Гейлард Джону С. Палмеру от 29 мая 1846 года, архив семьи Палмер, USC; дневник Эллен К. М. Уоллис, запись от 6 марта 1855 года, дневники семьи Уоллис-Старлинг, Историческое общество Кентукки, Франкфурт (KHS).

⁶⁷ См. [Woodward 2007: 174–175]. См. также письмо А. Э. Харрис Саре П. Гамильтон от 29 апреля 1838 года, архив Бенджамина Ч. Янси, UNC-SHC; мемуары Летиции Дэбни Миллер, с. 1–2, архив миссис Кейд Дрю Гиллеспи, Университет Миссисипи, Специальные коллекции (UMIS); дневник Харди В. Утена, с. 3, архив Харди Векерса Утена, ALA.

⁶⁸ См. письмо Джона Л. Грейдона Лу Мэддену от 7 февраля 1858 года, архивы Мабры Мэддена, USC; завещание Хью Маклорина, январская сессия 1846 года, округ Ричмонд, Северная Каролина, «Записи о завещаниях и имуществе», 1842–1848, том 3, с. 32–34; Архивы штата Северная Каролина; данные Федеральной переписи населения 1860 года, свободный график, Теннесси, округ Хардемэн, с. 27, 28, 33.

Политика и война

Политика всегда была жизненно важной частью жизни сообщества: она служила одновременно проявлением добрососедских отношений и ревностного соперничества. Кандидаты из двух основных партий, Демократической и Республиканской, проводили энергичные кампании, организовывая парады, торжественные ужины и песенные вечера. По всей территории Юга соседи собирались на барбекю, чтобы послушать речи кандидатов на должности в окружном управлении, а те обменивались пикировками, по большей части дружескими. Местные выборы могли иметь крайне личный характер. Уильям Кинни из Стонтон, Виргиния, знал об избиравшихся в 1857 году кандидатах на должность представителя его округа в сенате штата очень многое: их сильные стороны, недостатки, имена их друзей и врагов. Политика принадлежала белым мужчинам, поскольку у белых женщин в Соединенных Штатах не было права голоса, и большинство полагало, что женщинам не подобает слишком сильно интересоваться политикой. Некоторые мужчины тоже были аполитичны, хотя, разумеется, они могли голосовать⁶⁹.

В середине 1850-х годов, когда распалась партия вигов и сформировалась Республиканская партия, вопросы, связанные с рабовладением, вышли на передний план национальной повестки. Многие белые южане пришли к выводу, что все белые северяне очень от них отличаются, причем не только по вопросам, связанным с рабством или отношениями между расами, но и в целом. Роберт Г. Армстронг, отправившийся пароходом из Мемфиса в Новый Орлеан, познакомился на борту с несколькими семьями янки и списал свои чувства на проявление южного менталитета. По его словам, северяне были закрытыми и необщительными, не проявляли, в отличие от южан, «ни малейшего душевного тепла»; с ними «все было холодным, жестким, практичным». Но вопреки жалобам Армстронга, два эти региона на самом деле имели много общего. Большинство белых северян тоже жили в маленьких городках и селах и вели активную социальную жизнь, которая, как и на Юге, подразумевала и взаимовыручку, и конфликты. В отношении к материальным ресурсам северяне ничем не отличались от южан: все та же комбинация хозяйственности с расточительностью. Питались они несколько иначе – например, чаще, чем это было принято в Дикси, ели похлебку из моллюсков – но так же потребляли много мяса и так же считали, что нельзя разбрасываться едой. Им тоже нравились деревья в сельской местности, и они тоже использовали лес в качестве источника полезных ресурсов, временами оставляя после себя опустошенную, обезображенную землю. Они любили свои дома, будь то бревенчатые домики, фахтверки или просторные особняки, и бережно хранили некоторые особенные вещи, купленные или сделанные вручную⁷⁰.

Президентские выборы 1860 года обнажили резкие политические различия не только между Севером и Югом, но и внутри белого населения южных штатов. Четыре кандидата в президенты предлагали разные варианты ответа на интересующий всех вопрос: можно ли допустить распространение рабства на землях к западу от Миссисипи? На Юге предвыборная гонка свелась в основном к состязанию между демократом-южанином Джоном Брекинриджем, который утверждал, что если кто-то попытается остановить распространение рабства, то южным штатам следует рассмотреть возможность сецессии, и конституционным юнионистом Джоном Беллом из Теннесси, полагавшим, что все политические вопросы следует решать

⁶⁹ См. [Harris 1985: 94–95, 108–111; Crofts 1992: 50–51, 75, 101–102]. См. также дневник Чарльза Генри Шрайнера, запись от 5 декабря 1843 года, УТК; письмо Уильяма Кинни Александру Г. Г. Стюарту от 24 октября 1857 года, архив Александра Г. Г. Стюарта, VSP.

⁷⁰ См. [Harris 1985: 130–131; Hansen 1994: 13–14, 52–136; Altschuler, Blumin 2000: 9–10, 79; Williams S. 2006: 105–107; Strasser 1999: 12; Stilgoe 2005: 91–92, 94; Stoll 2002: 8, 19–20, 36; Glassie 2000: 138–146; Jaffee 2010: 213, 270–271, 318–319]. См. также личный дневник Роберта Хьюстона Армстронга, с. 3, запись за декабрь (1850-е годы), УТК.

силами имеющегося правительства. (Республиканец Авраам Линкольн, возражавший против распространения рабства, и демократ-северянин Стивен Дуглас, который верил, что решение должно быть принято на территориальном уровне, не получили на Юге большой поддержки.) Большинство южан понимало важность этих выборов. Сторонники сецессии угрожали отделением, если победа достанется Линкольну. Брекинридж выиграл на Глубоком Юге (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас), Белл завоевал Верхний Юг (Виргинию, Кентукки и Теннесси), а также получил значительную поддержку в таких проголосовавших за Брекинриджа штатах, как Алабама, где Беллу досталась треть голосов, и Северная Каролина, где разрыв составил менее 4 тысяч голосов; в Миссури он проиграл Дугласу с отставанием менее чем в 500 голосов. Белл, игнорируемый и забытый многими историками, получил в рабовладельческих штатах (т. е. в пограничных штатах и на территории будущей Конфедерации) порядка 40 % голосов. Когда Южная Каролина в декабре 1860 года вышла из состава Федерации, белое население рабовладельческих штатов глубоко разделилось по вопросу сецессии⁷¹.

Бурные политические дискуссии продолжились весной, когда сторонники сецессии перешли к наступлению. Местные активисты стали создавать специальные комитеты, чтобы проверить своих соседей на предмет политических взглядов; они следили за каждым, в ком подозревали противника сецессии. В каждом южном штате имела часть белого населения, сохранявшего верность Федерации, его представители также организовывали публичные выступления и подписывали петиции. Историкам по-прежнему неизвестно, как именно гражданские лица выбирали, к кому примкнуть. Многие представители рабочего класса сомневались в пользу сецессии или выступали против нее из неприязни к плантаторским элитам. У других имелись родственники на Севере. Иногда против сецессии высказывались даже рабовладельцы, поскольку у них тоже были родственники-янки. Другие полагали, что сецессия – это незаконная и неразумная мера, жупел демагогов, предательство достижений Революции. Однако были и те, кто по-прежнему любил Федерацию, сохранял верность распавшейся партии виггов или протестовал против какой бы то ни было войны. Возможно, на выбор влияло отношение к риску, ведь сецессия была крайне рискованным проектом. Однако вне зависимости от того, что именно ими двигало, соседи начали испытывать друг к другу неприязнь. Многолетней дружбе пришел конец. Старинные идеалы общинности, бережно сохранявшиеся на протяжении поколений, стали распадаться. К апрелю 1861 года семь штатов образовали новое государство – Конфедерацию⁷².

Многие американцы понимали, что сецессия может привести к войне. Когда белые жители Юга оценивали эту возможность, большинство из них плохо понимало, насколько разрушительной способна оказаться война. Поколение, участвовавшее в Революции, уже ушло, и в общественной памяти закрепилась славная победа над англичанами, а не вред, нанесенный гражданскому населению и его ресурсам. Мексиканская война длилась всего два года, и боевые действия велись по большей части не на территории Юга. В 1812 году война действительно пришла в регион, и некоторые жители помнили, в чем это выразалось. Заставшая ту войну бабушка Уильяма Чемберлена сказала своим родственникам, что, пока на стенах еще держится дранка, гражданским нужно прятаться в домах. Звучали и другие голоса, предупреждавшие о надвигающейся угрозе. Отец Дэвида Строзера был в ту войну солдатом. По его словам, потребовалось бы несколько лет, чтобы сделать из добровольцев настоящую армию. Однако, как писал позднее солдат повстанческой армии Уильям Л. Шеппард, большинство юношей знали

⁷¹ См. [Fuller 2012: 103, 131; Storey 2004: 28; Foner 2010: 143].

⁷² См. [Aughey 1905: 46–47; Tatum 1934: 4; Baggett 2003: 42–65; McCaslin 1994: 32; Williams et al. 2002: 13, 1, 194; Ash 1995: 109–110; Degler 1974: 129, 132–133, 145–148, 154–155, 160–163; Andrews 1908: 191; Storey 2004: 28–32]. См. также военный дневник Доры Ричардс Миллер, запись от 1 декабря 1861 года, Музей Олд-Кортхауз, Висксбург (ОСМ). В современных обществах вопрос сецессии тоже вызывает горячие дебаты: см. [Doyle 2010].

о войне только из книг, а большинство белых южан были до невероятного наивны в том, что касалось влияния боевых действий на жизнь гражданского населения и на необходимые для выживания ресурсы⁷³.

С официальным объявлением войны после обстрела форта Самтер политическая обстановка на Юге продолжила накаляться. Конфедераты допрашивали соседей, которых подозревали в симпатиях к Федерации, вскрывали их письма, угрожали и заставляли покинуть дома. Вскоре они перешли к прямому насилию и стали сжигать дома и лавки, принадлежавшие юнионистам. Под подозрение попадал любой, кто высказывался против Конфедерации или недостаточно активно выражал ей поддержку. Политический кризис проник даже в семьи: родственники восставали друг против друга. Некоторые – но далеко не все – юнионисты предпочли молчать. Были и те, кто не интересовался политикой или боялся ссориться с соседями: такие старались держаться вне конфликта⁷⁴.

В обстановке нарастающего хаоса сотни белых жителей Юга решили покинуть регион. Многие сторонники юнионистов уехали после апреля 1861 года, послушав дружеские предупреждения соседей о том, что им может грозить беда. Другие бежали, потому что их имущество оказалось конфисковано новым правительством или потому что они отказались принести клятву верности Конфедерации. Военное министерство Конфедерации стало проверять паспорта не раньше августа 1861 года, да и то только в некоторых районах, поэтому даже через несколько месяцев после битвы за форт Самтер люди по-прежнему могли уехать из южных штатов. Там, где юнионистские настроения были сильнее, ситуация складывалась прямо противоположным образом: на востоке Теннесси, например, бежать приходилось сторонникам Конфедерации⁷⁵.

Тем, кто остался, предстояло переосмыслить свое отношение к людям и вещам. Война потребовала свое: начался тот смертоносный процесс, который забирает практически все человеческие и материальные ресурсы общества. Северяне и южане, которые у себя дома исповедовали ценности коммунизма и разумного распоряжения имуществом, по-новому взглянули на то, какие ресурсы им потребуются, чтобы выжить. Это произошло очень быстро, в первые же недели конфликта. Население разбилось на две новые категории – гражданские и военные – с новой идентичностью, новыми ролями и расходящимися представлениями о ресурсах. Нон-комбатанты с твердыми политическими убеждениями из всех сил старались поддержать свою армию. Остальные больше заботились о собственном выживании. Весной 1861 года в регионе началась напряженная борьба за ресурсы – и первым был, собственно, человеческий ресурс.

⁷³ См. [Nash 2005: xiv, xxi; Chamberlaine 1912: 92; Strother 1866: 409; Graham 2013: 299].

⁷⁴ См. дневник Джейсона Найлза, запись от 2 января 1862 года, архив Джейсона Найлза, UNC-SHC. См. также [Crofts 1989: 345; Trowbridge 1969: 250; Murrell 2005: 13–17, 31, 39; Saxon 1905: 15–16].

⁷⁵ См. статью «Новости с Юга» в газете «Филадельфия инкуайрер» от 30 июля 1861 года, с. 4; «Новости из Чарльстона, Южная Каролина», в газете «Филадельфия инкуайрер» от 1 октября 1861 года, с. 2; «Новости из Конфедерации мятежников», в газете «Сан-Франциско бюллетин» от 20 ноября 1861 года, с. 1. См. также [Escott 2006: 87; OR 1, 4: 393].

Глава 2 Население

С началом боевых действий в 1861 году гражданское население и военные оказались друг напротив друга подобно армиям в бою. Многие солдаты – и янки, и конфедераты – хотели привлечь к своим действиям внимание гражданского населения, которое они в определенном смысле считали своей целевой группой. И в самом деле, мирные жители внимательно наблюдали за армиями, а военные, в свою очередь, наблюдали за жившими своей обычной жизнью гражданскими. Обе армии рассчитывали на понимание со стороны гражданского населения, хотя военные осознавали, что тот, кто поначалу был наблюдателем или даже сторонником, может со временем превратиться в противника. Нонкомбатанты могли как помогать военным, так и вредить им, используя для этого знания и навыки, полученные до 1861 года. Во время войны они поддерживали боевой дух, занимались контрабандой и шпионажем, доставляли письма и информацию, работали на армию. Иногда они даже становились заложниками: в такой ситуации человек сам превращается в некое подобие ресурса. И в процессе борьбы двух армий друг с другом за малейшее преимущество мирное население тоже вовлекалось в их конфликт, как это всегда случается во время войны⁷⁶.

У каждой армии, разумеется, были собственные ресурсы и собственные специалисты, однако ни один ресурс не бесконечен, и солдаты не всегда могли рассчитывать на помощь своих товарищей – особенно если те были ненадежными, неумелыми или не имели возможности помочь прямо сейчас. В течение всей кампании военные зачастую принимали решение обратиться за помощью к гражданским. Так между армиями и мирным населением формировались сложные отношения, в которых нашлось место всему: сочувствию, добровольному сотрудничеству, заключению сделок, препирательству, угрозам и открытой ненависти. Некоторые гражданские были горячими приверженцами той или иной стороны. Другие не отличались особой вовлеченностью в политику, и хотя в определенных ситуациях им приходилось выбирать, они не испытывали интереса к конфликту и стремились избежать связанных с ним проблем. Юнионисты, то есть те, кто стремился всеми силами поддерживать федеральные силы, оказались в меньшинстве: возможно, 30–40 % от белого населения Конфедерации и пограничных штатов. Однако обе армии прекрасно знали об их существовании⁷⁷.

Теоретически законы, регулировавшие отношения между мирными жителями и военными, существовали. Обе армии признавали Военный кодекс 1806 года и применяли его по отношению к гражданскому населению Конфедерации и Соединенных Штатов, включая пограничные штаты. В этом документе по большей части рассматривались вопросы взаимоотношений солдат друг с другом, однако там четко говорилось о том, что гражданские лица занимают по отношению к военным подчиненное положение. Обе армии полагали, что действие Военного кодекса распространяется на все территории, на которых идет война, и в начале конфликта эту точку зрения поддерживали оба военных министерства. Военные арестовывали гражданских вне зависимости от того, действовала ли местная судебная система. В соответствии со

⁷⁶ См. [Graham 2013: 522; Proctor 2010: 5, 11; Schrijvers 1998: 109, 124–126, 200–201].

⁷⁷ Эта оценка основана на том факте, что 40 % белых мужчин в рабовладельческих штатах, включая пограничные штаты и будущую Конфедерацию, в 1860 году проголосовали против немедленной сецессии. Количество тех, кто в 1861 году смирился с сецессией и остался дома, точно неизвестно, но это были не все жители Юга. Белые женщины, которые в 1860 году не могли голосовать, после 1861 года получили возможность высказать свои юнионистские позиции, что, возможно, компенсировало переход некоторых мужчин на сторону мятежников. Лишь немногие ученые рискнули предложить некоторые цифры, и они оценивают количество юнионистов значительно более строго, чем я: Майерс [Myers 2014: 11–12] полагает, что безоговорочно поддерживали Федерацию 6 % белых жителей Северной Каролины, а по оценке Стоури [Storey 2004: 6] такие взгляды разделяли 10–15 % белого населения Алабамы.

статьей 56, «кому бы то ни было» запрещалось оказывать помощь неприятелю деньгами, провиантом или боеприпасами, статья 57 запрещала «кому бы то ни было» вести переписку с неприятелем или предоставлять ему сведения, а в статье 60 утверждалось, что гражданские лица, работающие на армию, должны соблюдать военную дисциплину. Соединенные Штаты включили Военный кодекс в свое законодательство в 1861 году; в том же году Кодекс был напечатан в Конфедерации, а в январе 1863 года, когда на Юге официально появился собственный свод законов, Кодекс вошел в него в редакции 1806 года⁷⁸.

И тем не менее обе армии с готовностью использовали гражданское население в своих целях, игнорируя положения закона. Определенные действия со стороны дружественных гражданских лиц позволялись, поощрялись и вознаграждались, в то время как аналогичные действия, предпринятые в интересах вражеской армии, влекли за собой наказание. Мятежники считали проконфедератски настроенных белых своими союзниками, а юнионистов врагами. Для солдат федеральной армии ситуация выглядела с точностью до наоборот. Однако и те и другие отдавали себе отчет в том, что мирные жители обладают обширными знаниями и множеством полезных умений. Именно в силу этого они старались использовать их в своих интересах. В июле 1862 года ситуация усложнилась: командующий северной армией Джон Поуп опубликовал несколько приказов общего характера, целью которых было регулировать отношения между военными и гражданскими. В апреле 1863 года Фрэнсис Либер сформировал собственный Кодекс, в котором речь шла в целом о том, как армия должна вести себя с мирными жителями. Но, как показала практика, на реальном поведении солдат официальные распоряжения практически не сказывались.

⁷⁸ См. [Gray 2016: 121–124, 129, 131–142]. См. также Пересмотренный устав армии Соединенных Штатов от 1861 года и приложение к нему (с. 494), Военный устав, адаптированный для использования в Конфедеративных Штатах (с. 171–189) и Устав армии Конфедеративных Штатов (с. 407–420).

Общественное мнение

В обеих армиях знали, что к вопросу сепаратизма и войны жители Юга относились по-разному, и внимательно отслеживали проявления поддержки со стороны гражданских. И хотя этот общественный диалог никоим образом не регулировался властью, он представлял собой важный психологический ресурс. Янки, прибывавшие в Дикси в 1861-м – начале 1862-го, с радостью отмечали каждое проявление проюнионистских чувств. Когда рядовой Оскар Лэдли и его сослуживцы в июне 1861 года вошли в Графтон, Виргиния, сотни местных жителей приветствовали их, размахивая флагами США. Лэдли понимал, что подобное выступление требовало храбрости: с его точки зрения, сторонники сепаратизма воспользовались бы первой же возможностью, чтобы отомстить юнионистам. Подобные отвага и энтузиазм со стороны гражданских поддерживали северян, куда бы те ни направлялись⁷⁹.

Многие мятежники отдавали себе отчет в том, что среди белого населения южных штатов были и сторонники Федерации, и те, кто принял сепаратизм без малейшего энтузиазма. Поэтому их также приободряло изъяснение проконфедератской позиции. Проводы в армию включали в себя торжественную церемонию с флагами, выступлениями и громкими поздравлениями. Капрал Джеймс Э. Холл с восторгом вспоминал, как его воинское подразделение маршировало через Беверли, Виргиния, и местные жители бросали к ногам солдат цветы. Весной 1861 года, пока военные находились в лагере, мирные жители продемонстрировали свою лояльность тщательно продуманными театральными представлениями на политические темы. В военный лагерь в Джорджии группа гражданских принесла портрет Эдварда Эверетта, кандидата в вице-президенты на выборах 1860 года, выступавшего в тандеме с юнионистом Джоном Беллом. Офицер армии мятежников пронзил портрет штыком, после чего две женщины подожгли изображение факелом⁸⁰.

Вместе с тем представители обеих армий были болезненно чувствительны к проявлениям враждебности со стороны невоинствующих. Солдаты-янки отмечали, кто был к ним дружелюбен, а кто нет. Рядовой Остин Стернс был ошеломлен, когда в Калпепере, Виргиния, услышал, как белая южанка у окна молит Бога покарать армию северян. У него, как он признался, мороз пробежал по коже. Подполковник Чарльз Денби, оказавшись в Хантсвилле, Алабама, недовольно писал, что «никто нам не рад». Ему было тяжело видеть «скрытую ненависть» местных жителей, и он мечтал, чтобы война поскорее закончилась. Другие офицеры тоже ощущали эмоциональное давление. Полковник Джозеф Ревир заявил, что «даже конкомбатанты ведут заговоры, чтобы навредить нам всеми доступными силами». Чтобы одержать над ними верх, с его точки зрения, Северу требовалась более крупная и более дисциплинированная армия⁸¹.

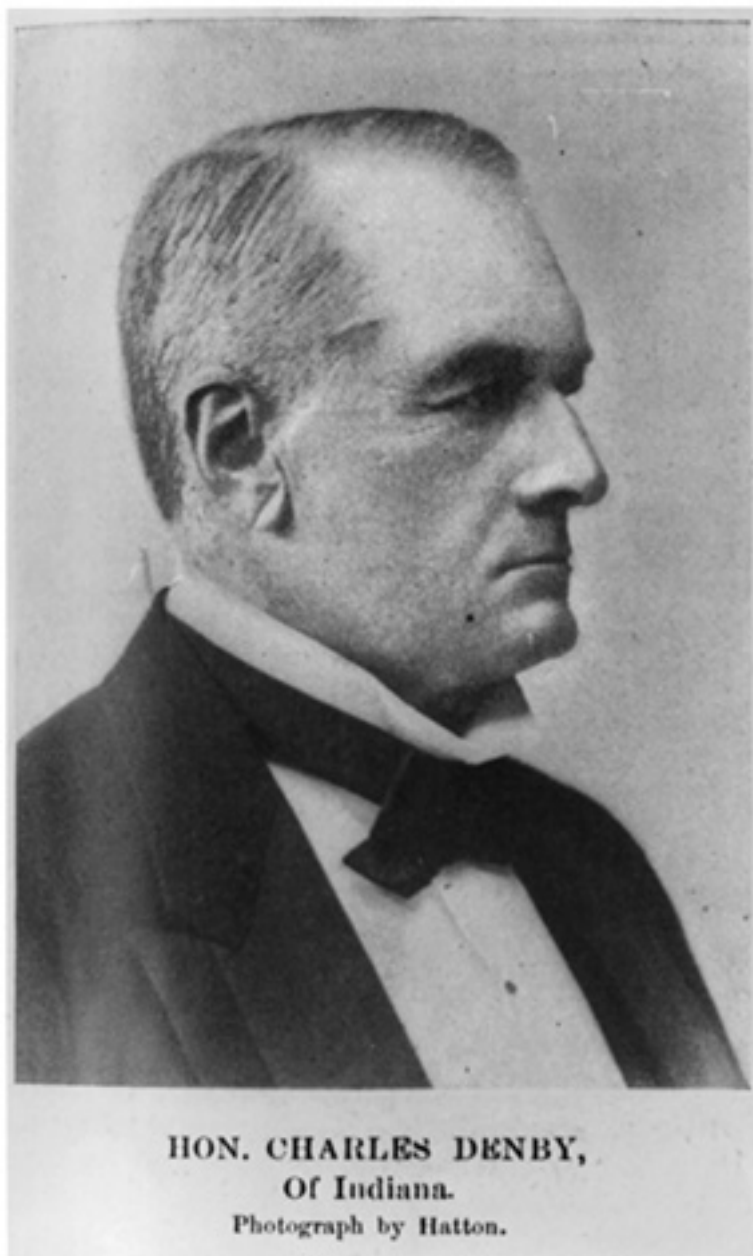
Южные войска тоже хотели видеть поддержку со стороны гражданских и тоже остро чувствовали отношение к себе. Полковник Патрик Клиберн сообщил, что осенью 1861 года, пока его отряд шел через Кентукки, они не встретили ни единого «друга», хотя официально этот штат считался нейтральным. Местные жители запирали свои дома, женщины и дети убегали прочь, и только одна белая старушка подняла перед собой Библию и заявила Клибурну, что готова умереть. Естественно, ему было неприятно. Подобное случалось и в Конфедерации.

⁷⁹ См. [Degler 1974: 147–148; Becker, Thomas 1988: 7]. См. также статью «Последние военные новости», опубликованную в газете «Нью-Хэмпшир сентинел» 3 апреля 1862 года, с. 2, и письмо Чарльза Денби жене от 4 апреля 1862 года, семейный архив Денби, LC.

⁸⁰ См. [Davis 1999: 42–45; Dayton 1961: 6, 11]. См. также статью «Из округа Мейкон», опубликованную в газете «Джорджия уикли телеграф» 24 мая 1861 года, с. 8.

⁸¹ См. [Kent 1976: 85–86]. См. также письмо Чарльза Денби жене от 24 июня 1862 года, семейный архив Денби, LC, и статью «Интересное письмо от полковника Ревира из Нью-Джерси», опубликованную в газете «Филадельфия инквэйрер» 8 августа 1862 года, с. 3.

В некоторых регионах Теннесси и Виргинии – тех штатов, где в 1860 году большинство поддержало Джона Белла, – сторонники Федерации осыпали войска мятежников насмешками. Иногда мирные жители просто не махали солдатам в ответ. Один солдат-повстанец на много лет запомнил, как с крыльца дома на него в ледяном молчании смотрела местная семья⁸².

Илл. 1. Подполковник Чарльз Денби. Библиотека Конгресса США

Безразличие со стороны мирных жителей могло быть таким же неприятным, как и явная враждебность. Большинство солдат в обеих армиях полагали, что война интересовала абсолютно всех, но некоторые люди оказались к ней равнодушны. Рядовой армии мятежников Эдвард Мур, горячий сторонник Конфедерации, был ошеломлен до глубины души, когда услышал слова мирного жителя, сказавшего, что мысли о войне ни на минуту не помешали ему спать. Похожие чувства испытывал генерал-янки Джейкоб Кокс, столь же горячий сторонник

⁸² См. [OR 1, 4: 545–548; Gordon 1903: 27; Moore 1910: 27].

Федерации, которому время от времени приходилось встречать людей, не интересующихся ничем за пределами их ближайшего окружения. Солдаты тоже считали нейтральную позицию чем-то невероятным. Дж. М. Годоун, инженер в армии США, полагал, что некоторые белые южане хранили дома как флаг Конфедерации, так и флаг Союза, и вытаскивали тот, который лучше соответствовал ситуации. Такое поведение заставляло предположить, что некоторые гражданские никогда не примут сторону той или иной воюющей стороны⁸³.

Когда начались военные действия, солдаты и мирные жители продолжили горячо обсуждать политику. Иногда солдаты задерживались ради спора с местным населением, хотя офицеры старались такого не допускать. В 1861 и 1862 годах в Чарльзтауне и Аквайя-Крик, Виргиния, и Мемфисе, Теннесси, сторонники и сторонницы Конфедерации собирались в общественных местах, чтобы вступить в политическую дискуссию о причинах войны с солдатами-янки. В других городах – например в Ноксвилле, Теннесси, – проживало больше сторонников Федерации, и когда туда прибывали войска мятежников, их солдаты жаловались на плохое отношение со стороны местных. Однако у военных не всегда получалось определить настроения мирных жителей: некоторые предпочитали хранить молчание. Солдат федеральной армии Джеймс Грэхем поговорил с некоторыми мелкими виргинскими рабовладельцами, которые показались ему «симпатичными», однако он так и не смог понять, что они думали о войне на самом деле⁸⁴.

⁸³ См. [Moore 1910: 22, 42; Cox 1900: 7–8, 85]. См. также письмо Дж. М. Годоуна «Дорогой Фанни» от 3 марта 1862 года, дневники Дж. М. Годоун, т. 2, архив Исторического общества округа Аллен – Форт-Уэйн.

⁸⁴ См. статью «Рассказ женщины о вступлении федеральных войск в Чарльзтаун», опубликованную в газете «Филадельфия инкуайер» 13 августа 1861 года, письмо Генри Ч. Марша отцу от 23 мая 1862 года, архив писем и дневников Генри Ч. Марша в Библиотеке штата Индиана (ISL), Милан У. Серл «Жизнь и приключения на Юге с 1860 года по 1862 год», Институт изучения Арканзаса, Центр истории и культуры Арканзаса (ASI); OR 1, 7: 719–720. См. также [McFadden 1991: 26].

Контрабанда

В такой неясной политической ситуации белые нонкомбатанты выражали свою преданность – или отсутствие таковой – конкретными действиями: они тайком снабжали военных необходимыми вещами. В соответствии со статьей 56 Военного кодекса было запрещено передавать неприятелю деньги, провиант и боеприпасы, однако в подобной контрабанде принимали участие тысячи гражданских. Это был важный, хоть и остававшийся в тени, сегмент экономики военного времени, и он не ограничивался деньгами, провиантом и боеприпасами. После битвы за форт Самтер незаконный товарооборот между Севером и Югом принял невиданные масштабы. На Севере производили множество товаров, необходимых армии мятежников. А со временем и мирное население Юга стало испытывать растущую нехватку предметов повседневного спроса. Начало войны ознаменовалось стремительным ростом нелегальной торговли. В мае 1861 года мирные жители уже организовали контрабанду военных товаров из Балтимора в Виргинию. Вскоре ценными стали даже самые обыденные предметы – например спички. Многие северяне не возражали против торговли с Югом, а сторонники Конфедерации были готовы платить⁸⁵.

Контрабандисты могли действовать из самых разных побуждений: финансовых, семейных и политических. Многие понимали, что война дает возможность быстрого обогащения. Осенью 1861 года в газете «Ричмонд экзамайнер» предположили, что объем контрабанды между Виргинией и северными штатами уже достиг нескольких миллионов долларов в золоте. Те, кого не особенно интересовала прибыль, занимались контрабандой, чтобы помочь своим близким. Они не писали на конвертах свои фамилии: так, например, северянин «Дик» отправил письмо некоему «Неду». Южане, поддерживавшие Конфедерацию, исходили из политических убеждений. Примером может послужить покинувший армию мятежников по причине инвалидности солдат, который занялся контрабандой и стал перевозить товары между Виргинией, Пенсильванией и Мэрилендом. И наоборот, если южане хотели поддержать Федерацию, они контрабандой вывозили через Кентукки на Север хлопок, сахар и рис. Но поскольку боевые действия по большей части велись на территории Дикси, а южная экономика всегда уступала северной, контрабандные товары в основном двигались с Севера на Юг⁸⁶.

Как это случалось во время других войн, контрабандисты полагались на проверенные временем уловки. Некоторые использовали вымышленные имена. Многие демонстрировали выдающиеся предпринимательские способности. Так, одна банда перемещала товары на сотни миль: сначала по суше через Кентукки, потом на лодках вверх по реке Теннесси до железнодорожных станций, откуда их переправляли по другим направлениям. Товары прятали в сундуках с двойным дном или даже – что требовало большей изобретательности – в тушах мертвых лошадей. У одного особенно изворотливого контрабандиста, Уильяма Т. Уилсона из округа Сент-Мэри, Мэриленд, в шляпе обнаружили мочевой пузырь животного, в который он залил жидкий хинин⁸⁷.

Белые южанки тоже занимались контрабандой товаров с Севера на Юг и по территории Конфедерации. Они не так давно заинтересовались политикой и горели желанием помочь

⁸⁵ См. письмо Клинтон Хэтчера Мэри Анне Сиберт от 18 мая 1861 года, семейный архив Эвансов-Сибертов (VSP); письмо «Джозефа Ивза» матери от 17 октября 1862 года, архив Джозефа Кристмаса-Айвза (LC); статью «Контрабанда», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 21 августа 1861 года, с. 3.

⁸⁶ См. [Van Tuyl 2001: 136–138]. См. также статью «Еженедельный обзор состояния торговли», опубликованную в газете «Ричмонд экзамайнер» 21 декабря 1861 года, с. 2; письмо Дика Неда от 29 октября 1862 года, архив Джозефа Кристмаса-Айвза (LC); Лиззи Джексон Манн. «Воспоминания о Гражданской войне с 1861 года по 1865 год», с. 12 (VHS); [OR 1, 4: 51].

⁸⁷ См. [Hajdinjak 2002: 22–31; Barber 1894: 104–105]. См. также статью «Контрабанда», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 21 августа 1861 года, с. 3; [OR 2, 2: 1023]; статью «Из Каира и южнее», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 18 июля 1862 года, с. 1; [OR 2, 2: 183–184, 192].

мятежникам, используя в качестве прикрытия традиционные гендерные стереотипы. Миссис Вудс (полное имя неизвестно) руководила бандой контрабандистов в Хопкинвилле, Кентукки. В 1861 и 1862 годах у нее имелись постоянные партнеры в Нэшвилле и Ричмонде. Контрабандистки использовали в своих целях даже превратные представления о слабости женщин и их неумении стрелять. Под дулом пистолета Нэнни Уэбстер заставила лодочника переправить ее через реку Потомак из Мэриленда в Виргинию. С собой она везла хинин, нитки и иглы. Благодаря кринолинам женщины могли спрятать под юбками даже такие товары, как ботинки или газеты⁸⁸.

Контрабандисты ввозили на Юг множество товаров, включая и те, что были запрещены Военным кодексом. Так, они доставляли заказчикам соль, ружья, предметы роскоши (такие как кружево) и множество лекарств, в том числе и морфин. Среди них были люди самого разного социального происхождения – например, врач из Теннесси и священник из Балтимора. Появилось убеждение, что контрабандой управляют евреи; именно поэтому бригадный генерал армии США Улисс Грант в декабре 1862 года генеральным приказом № 11 выгнал всех сотрудников-евреев из своих подразделений в Кентукки, Теннесси и Миссисипи. Опасаясь протестов, президент Линкольн быстро отменил этот приказ. На самом деле, большинство контрабандистов, как и большинство белого населения Севера и Юга в целом, не были евреями⁸⁹.

Контрабандисты предпочитали определенные маршруты, о которых становилось известно, когда кого-то из них ловили. Из пограничного штата Мэриленд они проникали в Конфедерацию через реку Потомак, изобилующую удобными бухтами, островками и притоками. На юге Мэриленда было много сторонников Конфедерации, готовых пересечь Потомак с запрещенными товарами. Многие путешествовали через Кентукки, рабовладельческий штат, который в 1861 году остался в составе Федерации, хоть и занял при этом нейтральную позицию. «Штат мятлика» был идеальным перекрестком: по его территории протекала река Огайо, здесь же был расположен крупный внутренний порт Цинциннати. Кроме того, Кентукки граничил с Виргинией и Теннесси, двумя конфедератскими штатами, а среди местного населения имелись серьезные разногласия по политическим вопросам. В 1861 году Кентукки и Теннесси заключили неофициальное временное соглашение о том, чтобы офицеры-янки не досматривали багаж в поездах, курсировавших между штатами. Однако даже в 1862 году, когда Кентукки присоединился к Федерации, контрабандисты продолжили действовать по всей территории штата⁹⁰.

Их ловили и иногда наказывали. Мирные жители – такие, как Джон Фаулер, погонщик скота из оккупированной северянами Виргинии, – с готовностью сдавали таких людей властям. Фаулер разоблачил англичанина (или человека, который называл себя англичанином), перевозившего запрещенные товары между Северной Виргинией и Южным Мэрилендом. Когда контрабандистов ловили на территории Федерации, их, как правило, судил не местный суд, а военная комиссия или военный трибунал. Наказание могло быть суровым. Так, Майер Ласки, владелец таверны из Нэшвилла, за контрабанду лекарств был приговорен к году каторжных работ. Другим же случалось отделываться легкими приговорами. Сели Льюис, осужденному

⁸⁸ См. [Rable 1989: 1–2, 15–17, 30; Moore 1910: 142]. См. также статью «Контрабанда вдоль Нижнего Огайо», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 8 февраля 1862 года, с. 1; и статью «Героиня», опубликованную в газете «Мейкон дейли телеграф» 7 января 1862 года, с. 2.

⁸⁹ См. [OR 1, 17, 2: 15, 187]; статью «Наша корреспонденция из Каира», опубликованную в газете «Нью-Йорк таймс» 12 января 1862 года, с. 1; статью «Из Каира и южнее», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 18 июля 1862 года, с. 1; и статью «Местные темы», опубликованную в газете «Балтимор Сан» 9 сентября 1861 года, с. 1. См. также [Sama 2012: 5–7, 21–22, 29–30].

⁹⁰ См. [Fishel 1996: 73–74; Harrison, Klotter 1997: 207–208]. См. также [OR 2, 2: 192]; статью «Новости с Юга», опубликованную в газете «Филадельфия инкуайрер» 30 июля 1861 года, с. 4; и статью «Контрабандная торговля на Западе», опубликованную в газете «Филадельфия инкуайрер» 11 апреля 1863 года.

в Теннесси за контрабанду и шпионаж в пользу Конфедерации, Авраам Линкольн заменил смертный приговор шестью месяцами тюрьмы⁹¹.

Борьбе северян с контрабандой мешала коррупция и некомпетентность их армии. Во всех войнах, которые она вела, солдаты нарушали правила, чтобы заработать немного денег, и механизмы контроля были бессильны это предотвратить. В 1862 году контрабандисты, действующие между Мемфисом и Эрнандо, Миссисипи, переоделись в мундиры федеральных войск и выдали себя за сотрудников Интендантского ведомства. Это сошло им с рук: они успешно доставили груз хинина и морфина. Для поиска контрабандистов на территориях, оккупированных США, армия Севера привлекала детективов, и временами те действовали успешно, однако им не удалось полностью искоренить незаконную деятельность. Генерал-майор Уильям Т. Шерман жаловался на то, что, несмотря на присутствие на территории войск Федерации, контрабандистам удается доставлять товары по Миссисипи до Мемфиса и внутренних регионов Конфедерации⁹².

В силу очевидных причин Военное министерство Конфедерации даже не пыталось остановить движение контрабанды. В августе 1861 года в лагере неподалеку от Манассаса, Виргиния, полковник Дорси Пендер поговорил с несколькими белыми женщинами, которые незаконно перевозили в Мэриленд сундуки с солдатской униформой. Судя по всему, полковник был восхищен их решимостью и не отдал приказа об аресте. В сущности, военные Конфедерации сами участвовали в деятельности по перемещению контрабанды. Одни офицеры подражались доставить оружие из Мексики через Рио-Гранде – типичный способ обойти установленную федералами морскую блокаду, – а другие, такие как генерал Сэмюэл Дж. Френч, разыскивали группы контрабандистов и призывали своих интендантов присоединиться к ним на благо армии Юга⁹³.

Те, кто провозил товары через линию блокады, отличались еще большей отвагой – или, возможно, большей алчностью. Это было очень выгодное дело. Северянам удалось заблокировать значительную часть трафика товаров на морских границах Конфедерации, и контрабандисты, которым удавалось усыпить их бдительность, могли рассчитывать на огромную прибыль. В южных газетах сообщалось, что за избежавший блокады груз запрашивали вплоть до его десятикратной стоимости. Владельцы судов продавали за рубежом хлопок и привозили домой оружие, боеприпасы и порох. Установить личность этих людей непросто, но мы можем очертить биографии тех, кто оказался пойман. Стивен Бартон, брат военной медсестры Клары Бартон из армии США, возил контрабанду из жадности. В 1850-е годы он уехал из Массачусетса, где его обвинили в ограблении банка; суд оправдал Бартона, но восстановить свою репутацию ему так и не удалось. Он переехал в Северную Каролину и стал преуспевающим мельником, однако ему хотелось больше денег, и потому он начал провозить товары через линию блокады. Его поймали, судили военным судом и в конце концов отпустили. Незадолго до конца войны он умер⁹⁴.

⁹¹ См. [Ash 1995: 87]. См. также [OR 2, 2: 192]; папка «КК 195 – Майер Ласки», записи Управления начальника военно-юридической службы, архив военно-полевых судов, RG 153, Национальные архивы и управление записями (NARA); данные федеральной переписи населения 1860 года, свободный график, Теннесси, округ Дэвидсон, с. 71–72; [OR 2, 1: 662]. В Национальных архивах я прочла документы военно-полевых судов по фамилиям от А до К, хотя они хранились не в строго алфавитном порядке, и в некоторых случаях в одной папке содержалось несколько дел.

⁹² См. [Hickey 1990: 170, 225–227, 252; Risch 1989: 345; Towne 2015: 66]. См. также статью «Происшествия на границе Теннесси и Миссисипи», опубликованную в газете «<Сан-Франциско> Дейли ивнинг бюллетин» 17 октября 1862 года, и [OR 1, 17, 2: 187].

⁹³ См. [Hassler 1965: 51; Diaz 2015: 32–33; French 1901: 155]. См. также [OR 1, 26, 2: 153–154].

⁹⁴ См. статью «Прорывая блокаду», опубликованную в газете «Огаста кроникл» 4 апреля 1862 года, с. 2; и статью «Различные новости с Юга», опубликованную в газете «Нью-Йорк таймс» 11 июля 1862 года. См. также [Pryor 1987: 36–37, 65–67, 130–131].

Письма

Мирным жителям удавалось обходить и еще одну статью Военного кодекса. Речь идет о статье 57, запрещавшей вести с неприятелем переписку и передавать ему информацию. Нарушители запрета подлежали военному суду и могли быть приговорены к смертной казни. По причине войны объем личной переписки между военными и гражданскими значительно вырос: люди писали друг другу как из практических соображений – чтобы сообщить какие-либо сведения, – так и по личным причинам. Помимо прочего, письмо служило доказательством, что автор все еще жив. Как бы то ни было, предполагалось, что обмен почтовыми отправлениями между Соединенными Штатами и Конфедерацией прекратился в июне 1861 года. Однако на протяжении еще нескольких месяцев некоторые почтмейстеры продолжали доставлять почту из одного региона в другой. В нейтральном штате Кентукки жители могли посылать письма обеим противоборствующим сторонам. Были на Юге и другие места, где чиновники или офицеры договорились не препятствовать обмену письмами, если те не носили политического характера⁹⁵.

Белые жители Юга быстро разобрались, как отсылать письма по неофициальным каналам. Некоторые обращались к помощи посыльных, которые возили почту между Севером и Югом, но большинство действовали своими силами. Письма из Конфедерации тайком перевозили по самым оживленным дорогам из Северной Виргинии в Южный Мэриленд, а также внутри самой Конфедерации. Салли Макдауэлл из Теннесси пишет, что существовало «много способов» пересылать письма, несмотря на присутствие рядом армии янки. Как и до войны, жители Юга обращались за помощью к друзьям, родственникам и соседям, которые проскальзывали через вражеские ряды, чтобы лично доставить письма адресатам – по несколько посланий за раз. Один сторонник Федерации с гневом назвал эту систему «почтовой службой мятежников»⁹⁶.

Обе армии пытались положить конец потоку нелегальной корреспонденции, когда это вредило их интересам. Военное министерство США перехватывало отправленные по неофициальным каналам личные письма и просматривало их на предмет политического содержания. Несколько гражданских лиц, пойманных с «письмами мятежников», были преданы военному суду, и некоторых из них ждало суровое наказание: например, Томаса Диббо из Теннесси до конца войны отправили на каторгу на остров Джонсона. Офицеры-конфедераты, в свою очередь, подвергали аресту мирных жителей, если те посылали на Север письма, в которых содержалась ценная для противника информация. В таких случаях наказание тоже могло быть суровым. Джона Г. Лархорна приговорили к тюремному заключению за то, что он попытался доставить семейное послание – одно-единственное письмо, написанное его сестрой для своего мужа, – из Виргинии в Мэриленд. Кажется, смертных приговоров по таким делам не было, однако обе армии были недовольны таким огромным объемом переписки. Джозеф Айвз, полковник из штаба Джефферсона Дэвиса, в 1862 году отметил, что никому не хватит «выносивости», чтобы просмотреть десятки личных писем на предмет наличия в них военных сведений⁹⁷.

⁹⁵ См. [Cashin 2006: 114; Murrell 2005: 108]. См. также письмо Беви Кейн Джеймсу М. Дэвису от 24 октября 1861 года, письма Беви Кейн, Университет Западного Кентукки.

⁹⁶ См. [Whites 2009: 103–106; Fishel 1996: 56]. См. также письмо Салли Макдауэлл Тому Моффетту от 23 июня 1862 года, архивы Салли Макдауэлл-Моффетт, Историческое общество Восточного Теннесси (ETHS); письмо Сэмюэла Т. Бренкенбриджа «дорогой жене» с постскриптумом С. Ч. Минза от 6 июня 1862 года, блок «Различные записи – перехваченные письма, 1861–1865», экспонат 189, коллекция конфедератских документов Военного министерства, RG 109, NARA.

⁹⁷ См. письмо М. «дражайшей матушке» (миссис Прингл) от 13 августа <1861 или 1862 года>, блок «Различные записи – перехваченные письма, 1861–1865», экспонат 189, коллекция конфедератских документов Военного министерства, RG 109, NARA; письмо Томаса Диббо, папка NN 195, Управление начальника военно-юридической службы, архив военно-полевых

При этом солдаты обеих армий стремились использовать содержание писем в своих интересах и не дать противнику сделать то же самое. Когда зимой 1860–1861 годов поддерживавшие Конфедерацию мирные жители некоторых регионов приняли на себя обязанности по доставке корреспонденции, правительство Юга оплатило им эту работу, однако летом 1861 года офицеры-конфедераты стали арестовывать тех, кто пытался послать на Север письма, в которых, предположительно, содержалась ценная для неприятеля информация. В обеих армиях военные вскрывали корреспонденцию, если та случайно попадалась им в руки, пытаясь обнаружить данные о размере вражеской армии, ее перемещениях и состоянии здоровья солдат. В июле 1862 года бригадный генерал армии Севера Филип Шеридан обнаружил в Рипли, Миссисипи, пачку из 32 частных писем, в которых содержались ценные сведения о перемещениях армии Брэкстона Брэгга⁹⁸.

судов, RG 153, NARA; [OR 2, 2: 1361–1362; OR 2, 2: 1431]; письмо Джозефа Айвза матери от 6 октября 1862 года, архив Джозефа Кристмаса-Айвза (LC).

⁹⁸ См. [Matthews 1864: 284; Sheridan 1994: 93]. См. также [OR 2, 2: 1361–1362; OR 1, 13: 524–525].

Шпионаж

При этом белые жители Юга не ограничивались тайной перевозкой писем: они собирали для военных информацию, хотя такие действия тоже противоречили пятьдесят седьмой статье Военного кодекса. Обе армии рассчитывали получать от дружественного мирного населения разведанные и вместе с тем старались помешать в этом противнику. В силу самой своей природы история военного шпионажа недостаточно задокументирована, однако информация, полученная от людей, всегда считалась самым ценным типом сведений. Шпионажем во время Гражданской войны занимались многие мирные жители, однако мы никогда не узнаем их имена. В военных документах такие источники часто именуется просто «граждане» – возможно, это делалось именно для того, чтобы скрыть личность шпиона. Как и до 1861 года, южане продолжали обмениваться слухами, сплетнями и предположениями. В Баулинг-Грин, Кентукки, сторонница Федерации Джози Андервуд видела «группы людей, открыто обсуждавших» последние новости, пока дамы в экипажах наносили друг другу визиты. Такие группы формировались по политическим убеждениям. Сейчас граждане внимательно наблюдали друг за другом. Когда Тирза Финч навестила соседей в Виргинии, они расспрашивали ее о ее служившем в федеральной армии брате, однако она почти не осмелилась ничего рассказать – вдруг «сецессионщики» передадут эту информацию другим конфедератам⁹⁹.

Многие мирные жители демонстрировали свою лояльность, снабжая ту или другую армию информацией о географии Юга – в особенности о его дорогах. Конфедерация занимала обширные территории, и большая их часть была незнакома солдатам. Обеим армиям пришлось иметь дело с лабиринтом дощатых дорог, заброшенных трактов и проложенных еще коренными жителями Америки извилистых тропинок. И это не говоря о стремительных реках без мостов, через которые не так-то просто обнаружить брод. Оказавшись вдали от дома, солдаты-мятежники далеко не всегда ориентировались на местности, поэтому помощь местных жителей была неоценима. Такая помощь могла появиться внезапно. Летом 1861 года местный житель по фамилии Скин предложил генералу армии южан Стивену Ли нарисовать карту сельской местности в окрестностях Хантерсвилла, Виргиния. Генерал с радостью принял предложение. То же самое делали, разумеется, и сторонники Федерации. К большому недовольству офицеров-конфедератов, знавшие «каждую тропинку» белые южане помогли федеральным войскам пройти через Виргинию¹⁰⁰.

Сторонники Конфедерации старались помочь своей армии, собирая информацию о перемещениях неприятеля. Они с готовностью делились тем, что знали об армии США: иногда за деньги, иногда из патриотических чувств. Порой у них получалось доставить ценную информацию в самую гущу схватки. Во время первой битвы при Булл-Ран к офицерам-мятежникам, чтобы сообщить им о позициях северян, прискакала на коне молодая женщина, и, по словам свидетеля, она даже не думала об опасности. Маленькой подсказки от мирных жителей могло оказаться достаточно, чтобы спасти военным жизнь. Возле Коринфа, Миссисипи, местные жители предупредили офицеров-конфедератов о том, что впереди их ждет засада, и тем удалось ее миновать¹⁰¹.

Подобным же образом сторонники Федерации делали все возможное, чтобы помочь армии Севера, – и тоже делились сведениями о войсках противника. Янки получали информацию и от рабов, но многие из них, судя по всему, больше доверяли белым. Мотивы инфор-

⁹⁹ См. [Fishel 1996: 2; Shackley, Finney 2005: 1]. См. также [OR 1, 17, 2: 14–15]; дневник Джоанны Л. Андервуд Назро, запись от 8 мая 1861 года, Университет Западного Кентукки; дневник Тирзы Финч, запись от 27 апреля 1862 года, дневник Тирзы Финч и расшифровки писем, Университет Мичигана, Библиотека Уильяма Л. Клементса (UM).

¹⁰⁰ См. [OR 1, 2: 992; OR 1, 10, 1: 35–36]. См. также [Storey 2004: 151–152].

¹⁰¹ См. [Gallagher 1989: 69–70; Gordon 1903: 41–42; Wills 1906: 90–91].

маторов были такими же: кто-то испытывал патриотические чувства, кто-то стремился набить карманы. В любом случае они стремились всеми силами поддержать Федерацию. Оставшийся безмянным белый житель Виргинии предупредил северян о том, что в саду на расстоянии полумили от них находилась вражеская кавалерия. В октябре 1861 года Уильям Блаунт Картер из Теннесси написал непосредственно генералу федеральных войск и сообщил ему конкретные данные о противнике – в том числе о количестве солдат-конфедератов в Ноксвилле. Он добавил, что рискует жизнью, отсылая это письмо¹⁰².

В обеих армиях понимали, что местные жители могут осмысленно вводить военных в заблуждение. Некий фермер мистер Родан, живший неподалеку от Бердс-Пойнта, Миссисипи, заверил капитана-янки, что поблизости нет войск мятежников. Сразу после этого капитан и его люди попали в засаду конфедератов. Феликс Золликоффер, бригадный генерал армии Юга, писал о сторонниках Федерации, намеренно предоставлявших неверную информацию с тем, чтобы «замедлить наше продвижение». Логично, что некоторые офицеры вообще перестали доверять гражданским. Генерал-северянин Джейкоб Кокс пришел к выводу, что мирные жители могут быть полезным источником информации, но с некоторыми оговорками: сторонники США из наилучших побуждений заваливали солдат информацией, а противникам было трудно молчать¹⁰³.

Ни одна из сторон не располагала организованной разведывательной службой, поэтому противникам приходилось импровизировать. Офицеры сами создавали собственные шпионские сети. В июне 1861 года полковник-янки Харви Браун, служивший в форте Пикенс, Флорида, запросил у вышестоящего офицера «деньги на секретную службу», которые он планировал потратить по собственному усмотрению. Генерал армии Юга Роберт Э. Ли выдал подчиненному офицеру несколько сотен долларов для созданной тем собственной «секретной службы». Некоторые имена шпионов известны – например, Роза Гринхау, Белль Бойд или Джеймс Дж. Эндрюс, – однако зачастую такие люди предпочитали держаться в тени. Вероятно, их было немного, поскольку сегодня профессиональные шпионы утверждают, что мало кто способен добиться в этом деле успеха¹⁰⁴.

Тем не менее призрак профессионального шпиона пугал современников больше, чем мысль об обычном мирном жителе, спонтанно предоставляющем информацию военным. Станные люди, задававшие слишком много вопросов, могли вызвать подозрение. В мае 1861 года двое граждан убеждали бригадного генерала Конфедерации Джозефа Э. Джонстона в том, что Р. У. Латэм, банкир из Вашингтона, Колумбия, приехал на Юг, чтобы шпионить на северян. Джонстон передал это сообщение Роберту Э. Ли, присовокупив, что Латэма – которого даже не допросили – следует повесить. Похожая история случилась в окрестностях форта Монро, Виргиния: местные жители заподозрили, что работавший там маркитант был шпионом северян, но не могли это доказать. Иногда подозреваемых отпускали, и это было ошибкой. Так, федеральные власти в 1861 году арестовали Мередита Гилмора из Мэриленда по подозрению в шпионаже на конфедератов. Когда его отпустили, он присоединился к армии Юга¹⁰⁵.

Те, кто на самом деле были шпионами, отличались идеологической убежденностью, храбростью и коварством. В самом начале войны некая обеспеченная белая семья переселилась в Виргинию, чтобы заняться шпионажем. Супруга, имя которой неизвестно, демонстрировала верность Конфедерации, однако на самом деле собирала информацию для северян. Об этом узнал ее белый слуга, когда семейство внезапно исчезло вместе с федеральной армией. Как

¹⁰² См. [OR 1, 17, 2: 14–15; OR 1, 4: 320]. См. также [Feis 2002: 16, 31, 128; Blackford 1993: 18].

¹⁰³ См. [OR 1, 8: 47–48; OR 1, 4: 242]. См. также [Schrijvers 1998: 192–193; Cox 1900: 251].

¹⁰⁴ См. [Fishel 1996: 8, 58–68, 175–177; Gallagher 1989: 140; Bonds 2007; Shackley, Finney 2005: 12]. См. [OR 1, 1: 433].

¹⁰⁵ См. письмо Джозефа Э. Джонстона Роберту Э. Ли от 28 мая 1861 года, «Различные послания», LC; статью «Новые бесчинства в Хэмптоне», опубликованную в газете «Мейкон дейли телеграф» 8 июня 1861 года, с. 3; и статью «Арест мятежников-контрабандистов на Верхнем Потомаке», опубликованную в журнале «Нью-Йорк геральд» 26 февраля 1863 года, с. 1.

выяснили мятежники, шпионажем могли заниматься люди любого социального положения. В Новом Орлеане власти конфедератов на протяжении нескольких месяцев следили за двумя плотниками, пока в январе 1862 года их не арестовали за шпионаж. Военные-янки тоже смотрели на своих соседей с подозрением. Зимой 1861/1862 года они заставили некую миссис Томпкинс, жену офицера-конфедерата, выехать из ее виргинского поместья, поскольку опасались, что она сообщает неприятелю о перемещении войск США¹⁰⁶.

Женщины-шпионки с готовностью опровергали традиционные гендерные стереотипы – и в то же время использовали их в своих целях. В 1862 году начальник военной полиции США в Уилинге, Западная Виргиния, арестовал шпионку, переодетую в форму кавалериста-янки. Эта женщина, представившаяся как Мэриан Маккензи, вела жизнь, полную мелодраматических поворотов, и, судя по всему, являлась мастером шпионажа. По ее собственным словам, она была сиротой и приехала в Америку из Шотландии, причем до войны, помимо прочего, трудилась актрисой и проституткой, а потом присоединилась к армии из «любви к приключениям». Переодевшись мужчиной, она ухитрилась послужить в обеих армиях и, как сообщается, показала себя хорошим солдатом. Когда ее арестовали за шпионаж в пользу Конфедерации, она утверждала, что не сделала ничего плохого – разве что переоделась в мужскую одежду. У нее было множество имен, в том числе мисс Фитцаллен (для занятия проституцией), Гарри Фитцаллен (для службы в армии) и Мэриан Маккензи (вероятно, настоящее). Арестовавший ее офицер указал в описании, что она была невысокого роста, физически сильной, грамотно изъяснялась и «отлично знала о темных сторонах этого мира». Подобный человек пригодился бы любой армии¹⁰⁷.

Есть сведения и о других гражданских, пойманных на нарушении пятидесят седьмой статьи – то есть предоставлявших информацию неприятелю. В архивах военно-полевых судов армии Севера сохранились записи о нескольких мирных жителях, арестованных за шпионаж, хотя некоторых из них отпустили, очевидно, за нехваткой доказательств. Однако это лишь небольшой процент тех, кто предоставлял сведения войскам мятежников. То же самое справедливо и в отношении сторонников Федерации, помогавших армии Севера. Записи конфедератских военно-полевых судов не сохранились, однако документы о военнопленных свидетельствуют, что начиная с первой битвы при Булл-Ран армия Юга задерживала гражданских, которые снабжали неприятеля информацией. В 1862 году в Атланте арестовали нескольких предполагаемых юнионистов; позднее их отпустили, и некоторые из них покинули город. Есть данные об очень небольшом количестве смертных приговоров, вынесенных за шпионаж. Однако ни южной армии, ни северной так и не удалось помешать мирным жителям поставлять сведения неприятелю¹⁰⁸.

¹⁰⁶ См. мемуары Э. Дж. Брауна, с. 16–17, архив Дж. Ф. Г. Клейборна, UNC-SHC; и статью «Министерство внутренних дел», опубликованную в газете «Дейли тру Дельта» 12 января 1862 года, с. 3. См. также [Cox 1900: 86–87].

¹⁰⁷ См. [Blanton, Cook 2005: 58]. См. также [OR 2, 5: 121–122].

¹⁰⁸ См. дело П. М. Беркхардта, папка NN 200, Управление начальника военно-юридической службы, архив военно-полевых судов, RG 153, NARA; [OR 2, 2: 1363]. См. также [Dyer 1999: 102–120; Fishel 1996: 148–149].

Гражданский персонал

В обеих армиях работали тысячи гражданских специалистов, что в целом было для XIX века характерно. Как говорилось в статье 60 Военного кодекса, все гражданские лица, трудоустроенные в армии, должны были соблюдать армейские правила. Вероятно, поскольку военные действия разворачивались на Юге, на стороне Конфедерации было задействовано больше гражданских, однако они работали в обеих армиях, и это могло дать толчок развитию местной экономики. Что касается рабов, то Конфедерация заставляла их работать на государство, при этом количество белых мирных жителей, сотрудничавших с Военным министерством Юга, по оценке одного исследователя, составляло не меньше 70 тысяч. Иногда правительство Конфедерации требовало, чтобы такие сотрудники принесли присягу, однако это не стало повсеместной практикой¹⁰⁹.

В 1861 и 1862 годах в Конфедерации существовало множество рабочих вакансий. Портные шили военную форму, дубильщики выделывали кожу. Женщины тоже могли работать – например, распоряжаться материальными ресурсами в госпитале, быть продавщицами или медсестрами. В южной армии понимали, что гражданское население может приносить немалую пользу. Министр флота Стивен Мэллори рекомендовал командующему верфи в Норфолке нанять столько гражданских механиков, сколько тому требовалось, чтобы «ускорить работу» по строительству броненосцев¹¹⁰.

Мирные жители заключали с армией Конфедерации договоры о поставке практически всех необходимых для ведения войны материалов. Такие контракты могли быть довольно выгодными. Разумеется, некоторыми поставщиками двигали экономические соображения, в то время как другие действовали из идейных убеждений, при этом не редкостью была и комбинация упомянутых факторов. Для заключения военных контрактов существовала строгая процедура, предназначенная для того, чтобы обеспечить низкие цены, сэкономить деньги и предотвратить мошенничество, однако во время войны ее, как и многие другие процедуры, удавалось обойти. Заключавшие контракты с армией Юга иногда проговаривались о том, что в правительстве Конфедерации царили фаворитизм и погоня за наживой¹¹¹.

Армия мятежников могла оказаться непредсказуемым работодателем, мало заинтересованным в том, что требовалось обычному человеку. Кузнецу Джеймсу Ф. Брауну так и не вернули конфискованные солдатами инструменты; в компенсации ему тоже отказали. В случае необходимости белых мужчин заставляли работать на армию, не спрашивая, хотят они этого или нет. Во время Кампании на полуострове капитан Уильям У. Блэкфорд построил на реке Джеймс-Ривер понтонный мост – для этого он силой завербовал более 500 рабочих, как черных, так и белых, которые на протяжении пяти дней работали круглые сутки до тех пор, пока мост не оказался готов. Они получали зарплату и бесплатную еду, однако элемент принуждения здесь очевиден. Некая миссис Колврик, белая жительница Луизианы, занималась стиркой в форте Ливингстон в течение года и не получала за это платы. Когда в апреле 1862 года войска мятежников покинули форт, у нее не осталось даже еды¹¹².

¹⁰⁹ См. [Proctor 2010: 6; McKenzie 2006: 137–138; Mohr 2001: 121–128; Escott 2006: 46; OR 2, 2: 1424–1425].

¹¹⁰ См. [Ford, Ford 1905: 12; Rable 1989: 121–128, 131–132]. См. также письмо Юджинии Биттинг Кейду Гиллеспи, отправленное в 1928 году, архив миссис Кейд Дрю Гиллеспи, UMIS; [OR 1, 7: 753].

¹¹¹ См. [Hickey 1990: 228]. См. также письмо Юджинии Биттинг Кейду Гиллеспи, отправленное в 1928 году, архив миссис Кейд Дрю Гиллеспи, UMIS; Устав армии Конфедеративных Штатов, с. 96; письмо от компании «Данлоп, Монкьюр и Ко» Дж. У. Рэндольфу от 7 ноября 1862 года из коллекции документов, относящихся к расследованию дела о мошенничестве, предпринятом торговцами мукой в 1862–1863 годах, экспонат 190, коллекция конфедератских документов Военного министерства, RG 109, NARA. См. также [Quiroz 2008: 426–427].

¹¹² См. иск № 961 от Джеймса Ф. Брауна, ч. V, т. 43, Реестр исков при Управлении интендантской службы, коллекция конфедератских документов Военного министерства, RG 109, NARA; [OR 1, 18: 396–397]. См. также [Blackford 1993: 64–68].

Впрочем, такие гражданские работники тоже отличались своеобразием и не всегда подчинялись дисциплине. Как и всегда во время войны, они соглашались на эту работу по разным причинам. Некоторым, конечно, хотелось поддержать Конфедерацию, но у других работников не было очевидных политических взглядов. Ко второй категории, например, относился мистер Роузотер, сотрудник телеграфа, трудившийся на Конфедерацию до 1862 года, после чего он переехал в Вашингтон и был принят на работу в Военное министерство США. Некоторые молодые люди шли работать на государственные фабрики для того, чтобы их не забрали в армию. Несмотря на требования Военного кодекса, армии не всегда удавалось держать гражданских служащих под контролем: так, в первую же военную зиму луизианские плотники устроили забастовку, требуя повышения зарплаты. В 1863 году на Юге появилось собственное военное законодательство, однако в нем почти ничего не говорилось о защите гражданского персонала. При этом новый закон требовал, чтобы прачки и другие рабочие получали ежедневные пайки – слишком поздно для миссис Колврик из Луизианы. Тем не менее в этом законе недвусмысленно повторялся тезис из Военного кодекса: все работники должны были подчиняться «военному управлению»¹¹³.

В армии Севера, где также работали белые южане, возникали проблемы аналогичного характера. Точное количество гражданского персонала неизвестно, поскольку каждый главный интендант осуществлял найм самостоятельно, и далеко не все офицеры вели записи. Джеймс Раслинг, один из интендантов, заявлял, что нанял «многие тысячи» южан. На территориях, занятых северянами, военные, как правило, требовали, чтобы перед началом работы гражданские специалисты принесли присягу Соединенным Штатам, и многие с готовностью на это соглашались. Корпус гражданских сотрудников был во всех смыслах очень пестрым. Вскоре после того как генерал Бенджамин Батлер прибыл в Новый Орлеан, он решил привести город в порядок и нанял для этого на работу примерно две тысячи местных жителей: американцев и иммигрантов, мужчин и женщин. Мало кто из гражданских работников, сотрудничавших с армией Севера, объяснял свои мотивы, однако среди них были горячие сторонники Федерации – например, некая оставшаяся безымянной вдова, которая готовила и стирала для отряда янки, расположившегося неподалеку от Мемфиса. Были и те, кого не занимала идеология. Жительница Теннесси переделалась мужчиной и устроилась в армию возчиком; когда обман был раскрыт, ее уволили. Политикой она, похоже, не интересовалась¹¹⁴.

Возможно, отношения между таким персоналом и армией Севера складывались непросто, но и армии Юга в этом отношении было ничуть не легче. Живший неподалеку от Чаттануги Джон Спунер выяснил это на собственном горьком опыте. Уроженец Восточного Теннесси, в 1862 году он перебрался на новое место и согласился поставлять уголь и дрова в лагерь северян, расположенный неподалеку от его дома. Для выполнения этой задачи его снабдили всем необходимым: предоставили специальную печь, паек, одежду и инструменты для его рабочих. После чего армия внезапно разорвала контракт. Стороны разошлись в оценке того, что стало причиной такого решения. Спунер ссылаясь на «откровенный фаворитизм» капитана, который передал этот контракт кому-то другому. Интендант в ответ утверждал, что его не устраивало качество работы Спунера. В отместку тот отказался возвращать инструменты. После 1865 года Спунер попытался получить по невыполненному контракту деньги, но в этом ему было отказано¹¹⁵.

¹¹³ См. [O'Brien, Parsons 1995]. См. также интервью с мистером Роузотером, 1898, с. 1, архив Иды Тарбелл, Аллегени-Колледж; [OR 1, 5: 621; OR (флот Конфедерации) 2, 1; 756]; Устав армии Конфедеративных Штатов, с. 12, 239.

¹¹⁴ См. [Huston 1966: 170; Rusling 1899: 189; Ash 1995: 79; Capers 1965: 81–82; Livermore 1899: 357; Sheridan 1992: 137–138]. См. также статью «Новости из Нового Орлеана», опубликованную в газете «Харперс уикли» 7 марта 1863 года, с. 157.

¹¹⁵ См. данные федеральной переписи населения 1860 года, свободный график, Теннесси, округ Салливан; сводка контрактов на поставку угля, дерева, бревен и древесины в Чаттануге и окрестностях, заключенных в 1863–1864 годах, ящик 301, запись 225, общий файл переписки, 1794–1915, записи из архива Управления интендантской службы, RG 92, NARA.

Другие мирные жители принимали участие в нелегальной экономической деятельности, которая всегда переживает расцвет во время войны. Между интендантами, банками и обывателями циркулировали поддельные деньги, и часто участники процесса прекрасно понимали, что расплачиваются фальшивыми купюрами. Люди без ярко выраженных политических убеждений могли заниматься нелегальной торговлей: так, один житель Теннесси тайком продавал виски солдатам Конфедерации. Экономическое выживание имело очень большое значение. Это видно на примере того, как соседи вступились за некоего мистера Хаджгинса, торговца из округа Миссисипи, Арканзас. Он продавал товары всем, кто был готов платить, и когда военные-южане конфисковали его имущество, соседи выступили в его защиту. По их словам, он был единственным торговцем в округе, держал политический нейтралитет, и община очень в нем нуждалась¹¹⁶.

¹¹⁶ См. [Merridale 2006: 237; Venet 2009: 125–128]. См. также «Истории Гражданской войны», интервью с Рибой Кэмпбелл, 1976 год, округ Мори, Теннесси, архивы; заявление граждан округа Миссисипи, Арканзас, от 27 сентября 1862 года, ASI.

Перемещения

Хотя после 1861 года обе армии стремились ограничить перемещения гражданских лиц, белое население Юга оставалось весьма мобильным. В августе 1861 года Военное министерство в Ричмонде начало запрашивать пропуска или паспорта у тех, кто хотел покинуть город; термины «пропуск» и «паспорт» были в этом случае синонимами. Сотрудники Военного министерства выдавали такие удостоверения тысячами, и за несколько лет эта практика распространилась и на другие города Юга. В процессе получения документов большинство путешественников должны были принести клятву верности Конфедерации, и им это не нравилось: с одной стороны, они жаловались на потерю времени, а с другой – новые паспорта напоминали те пропуска, которые выдавались рабам до войны¹¹⁷.

Конфедератская паспортная система не отличалась большой эффективностью. Часто пропуска оформляли как придется: некоторые офицеры просто вырывали страницу из бухгалтерской книги. Некоторым гражданским удавалось раздобыть чистые бланки, которыми они делились с друзьями. Другие получали пропуска нечестным путем, хотя детали этого нам неизвестны. Паспорт могли выдать любые «военные власти», любой губернатор Юга, а иногда даже создавались так называемые паспортные комитеты – один из них возник, например, в 1861 году в Нэшвилле, информация о его членах отсутствует. Иногда служащие выдавали пропуска, руководствуясь личными мотивами. Один офицер выдал паспорт молодой белой женщине по имени Кора Митчел, потому что пожалел ее. Паспорт нужно было предъявлять в городах и на железных дорогах, однако многие жили в деревне и путешествовали верхом, пешком или в экипаже, избегая тем самым контроля¹¹⁸.

Армия северян использовала паспортную систему для того, чтобы контролировать на оккупированных территориях гражданское население, результат этого также был неоднозначным. С начала войны янки потребовали, чтобы все жители оккупированных территорий, собиравшиеся пересечь границы Федерации, обращались в военную полицию за пропусками. Многие так и поступали. Некоторые офицеры – хотя далеко не все – заставляли заявителей принести клятву верности Соединенным Штатам. Такая же непоследовательность царила и в Конфедерации. Если житель Юга хотел выехать на Север, он мог получить пропуск; иногда его заставляли принести присягу, иногда нет. Дружелюбно настроенный офицер мог разрешить гражданскому проехать на Север без пропуска: так случилось, например, с У. Г. Крантцем, мельником из Виргинии, который отправился в Федерацию, чтобы навестить мать¹¹⁹.

С самого начала войны федеральная паспортная система отличалась коррумпированностью, некомпетентностью и общей расхлябанностью. Жители Теннесси давали военным клеркам взятки (100 американских долларов за пропуск), а также подделывали пропуска и исправляли их текст, чтобы получить возможность путешествовать в пределах Конфедерации, заезжать на оккупированные янки территории Юга и отправляться на Север. Иногда для этого было достаточно устного разрешения. Так, в 1861 году Энн Фроубл и ее сестра Лиззи отправились к друзьям в Александрию, Виргиния, и не смогли получить разрешения на проезд обратно. Они попросили начальника военной полиции и двух других офицеров оформить им

¹¹⁷ См. [Murrell 2005: 93; Sternhell 2012: 129–133; Neely 1999: 2–6].

¹¹⁸ См. пропуск на имя Р. Кеннера, Бетел, 10 ноября 1861 года, архив Сэмюэла Даунинга, «Различные послания»; [OR 1, 11, 3: 659; OR 1, 4: 397]; статью «Местная разведка», опубликованную в газете «Филадельфия инкуайрер» 2 сентября 1861 года, с. 8. См. также [Berlin 1994: 62–63; Mitchel 1916: 18–20; Neely 1999: 2–4]. О неэффективных паспортных системах в современных государствах см. [Торреу 2000: 3, 22–52, 93–94].

¹¹⁹ См. [Ash 1995: 84; Murrell 2005: 93]. См. также Милан У. Серл. «Жизнь и приключения на Юге с 1860 года по 1862 год», ASI; [OR 1, 25: 1115; OR 2, 2: 1413–1414].

пропуска, но получили отказ. Несколько часов они просидели в Александрии в двуколке, пока солдат-янки не крикнул им: «Езжайте!» Это сошло за разрешение¹²⁰.

Кроме того, многие белые американцы продолжали путешествовать из Федерации в Конфедерацию. После битвы за форт Самтер отношения между двумя регионами не были разорваны полностью, как это раньше предполагали историки. Перед поездкой на Юг северянину нужно было обратиться за пропуском в Государственный секретариат США. Многие путешественники сообщали, что цель их визита будет не политической – посещение родственников. Однако паспорт выдавали далеко не всем. Те янки, которым не удавалось получить официальный пропуск, могли приобрести его у чиновников на черном рынке. Эта процедура применялась не всегда. Клара Джадд съездила из Теннесси в Миннесоту и обратно с тем, чтобы навестить родственников и попытаться найти работу. Она путешествовала то с пропуском, то без него, и как минимум один раз получила пропуск от друга. Невзирая на блокаду, европейцы тоже могли попасть на Юг и присоединиться к армии мятежников или получить работу в правительстве. Это значит, что обеим армиям приходилось иметь дело с тысячами путешественников, одни из которых как бы странствовали без цели, а другие имели четкий маршрут. В этом вечно меняющемся море новых лиц были и друзья, и враги, но главное – оно не подчинялось ни одной армии¹²¹.

¹²⁰ См. [OR 1, 17, 2: 158; OR 1, 5: 514–515]. См. также [Frobel 1992: 34–36].

¹²¹ См. [Murrell 2005: 93–98; Lonn 1940: 89, 178–180, 251]. См. также письмо Дика Неду от 29 октября 1862 года, архив Джозефа Кристмаса-Айвза (LC); статью «Разное», опубликованную в газете «Филадельфия инкуайер» 17 марта 1863 года; [OR 2, 5: 620–624].

Заложники

Обе армии видели в мирных жителях еще один вид ресурсов – потенциальных заложников. Зародившаяся в древние времена практика их захвата сохранилась почти до наших дней: ее запретили только в 1949 году с принятием Женевской конвенции. В прошлом военные брали заложников для того, чтобы заставить неприятеля выполнить договоренности, чтобы отомстить врагу или чтобы осуществить конкретные боевые замыслы. Иногда гражданские из альтруистических побуждений вызывались стать заложниками сами, но во время Гражданской войны в Америке заложников обычно брали силой. Их захват происходил по всей территории Юга, не только в пограничных регионах: это была рутинная практика, распространившаяся на многих мирных жителей. В Военном кодексе, равно как в «Военном словаре» Генри Ли Скотта и в военных законах обеих армий, об обращении с заложниками не говорилось ни слова. Выпущенный в 1863 году армией Севера Кодекс Либера содержал по их поводу определенные инструкции. Однако на протяжении первых двух лет войны обе армии пользовались абсолютной свободой действий¹²².

Начало было положено в 1861 году, в первые же месяцы войны. Общее количество заложников неизвестно, однако оно достигало многих сотен, если не тысяч. Обе армии прибегали к практике их захвата для того, чтобы изменить поведение неприятеля. Власти Конфедерации прославились своим стремлением вычислить всех скрытых сторонников Федерации. Например, осенью 1861 года был арестован Харрисон Селф, фермер из Теннесси, который якобы поджег мост для того, чтобы помочь федеральной армии. Подполковник Рубен Арнольд предложил разрешить двум сыновьям Селфа записаться в армию Юга и оставить их отца в заложниках: это бы гарантировало их «хорошее поведение». При этом сам подполковник допускал, что Селф был невиновен. Офицеры-мятежники захватывали заложников в пограничных штатах – одним из них стал врач, некий мистер Смит из Кентукки, – и, если была такая возможность, в штатах Севера. Когда его войска располагались неподалеку от Винчестера, Виргиния, генерал Роберт Э. Ли предложил своему подчиненному взять в заложники чиновников-северян, чтобы обменять их на «наших собственных граждан», захваченных федералами¹²³.

Федеральная армия тоже начала брать заложников с самого начала войны и тоже рассматривала это как свое неотъемлемое право. Заложниками становились и мужчины, и женщины. В июне 1861 года в Виргинии северяне обнаружили в доме мистера Уэста конфедератскую военную форму и захватили двух его взрослых дочерей, чтобы удерживать их в форте и тем самым обеспечить «хорошее поведение» отца – под этим, вероятно, подразумевалось, что он не присоединится к армии Юга. В захваченных городах заложниками становились члены местной элиты. В Нэшвилле генерал-янки посадил в тюрьму двух «богатых мятежников» в ответ на то, что южная армия в Чаттануге захватила двух сторонников Федерации. Некоторые офицеры, подобно генерал-майору Бенджамину Батлеру, хотели бы формализовать эту практику. В 1862 году после обмена заложниками в Опелузасе, Луизиана, он надеялся заключить соглашение, которое бы облегчило «давление» на нонкомбатантов, однако ничего подобного так и не произошло¹²⁴.

И на Севере, и на Юге журналисты критиковали практику захвата заложников, когда этим занимался неприятель, однако обе армии считали это обычной частью войны. Иногда

¹²² См. [Proctor 2010: 24, 127–128; Carnahan 2010: 140–141, п. 72; Small 1997: 80–84]. Фишер в [Fisher 1997: 149] называет захват заложников «аморальным», однако ученые, вероятно, не обращали внимания на этическую сторону такой практики.

¹²³ См. [OR 2, 1: 866–867]; «Смерть доктора Смита», архив семейства Байрон, Университет Мэриленда – Колледж-Парк, Библиотека Хорнбейк (UMCP); [OR 1, 19, 2: 55].

¹²⁴ См. статью «Новые бесчинства в Хэмптоне», опубликованную в газете «Мейкон дейли телеграф» 8 июня 1861 года, с. 3; статью «Новости из Нэшвилла», опубликованную в газете «Нью-Йорк таймс» 19 февраля 1863 года; [OR 1, 15: 554–555].

в качестве заложников специально выбирали известных людей, однако выбор мог оказаться и случайным – хватали тех, кого армия встречала на марше. Пленников могли держать в военных лагерях, в фортах или в потайных укрытиях в сельской местности. Офицеры относились к этому весьма терпимо. Иногда они спасали заложников до официального обмена или отпускали на свободу тех, кого захватили сами. Свидетельства массовых казней заложников отсутствуют, однако для некоторых из них плен заканчивался очень плохо. Когда в Нэшвилле двое мирных жителей, сторонников Юга, попытались сбежать из плена, один был пойман, а другой убит¹²⁵.

Как мы уже убедились, рассматривая другие аспекты военного поведения, с заложниками могли обращаться по-разному. Иногда военные захватывали заложников, протестуя против плохого обращения неприятеля с местными жителями, хотя подобная практика оказалась бесполезной. В декабре 1862 года Роберт Э. Ли посоветовал удерживать в заложниках майора-северянина из Западной Виргинии: он предполагал, что в таком случае янки перестанут требовать от жителей оккупированных территорий приносить присягу США. (Нет необходимости пояснять, что северяне на это не пошли.) В некоторых случаях армии практиковали равный обмен – одного заложника меняли на другого – но порой приходилось отдавать целую группу мирных жителей для того, чтобы выволить из плена одного-единственного человека. Почти все заложники были белыми, хотя иногда военные могли захватить и рабов. В Миссури майор-северянин захватил в заложники раба мистера Адамса, сторонника Конфедерации, чтобы заставить его вернуть другого раба его законной хозяйке, стороннице северян миссис Джой. Имена рабов не приводятся, и мы не знаем, что случилось с ними дальше¹²⁶. Обращение с заложниками также очень различалось. Конфедерат Роберт Э. Ли утверждал, что с заложниками необходимо вести себя «уважительно», а генерал-янки Адольф фон Штейнвер обещал кормить их за собственным столом и обращаться с ними как с «друзьями». Позднее он угрожал расстрелять заложников, если местные партизаны убьют кого-то из его людей, что было не так уж и по-дружески. Некоторые офицеры отпускали заложников гулять по городу, если те не пытались его покинуть, а некоторые держали их в кандалах. Вне зависимости от того, как с ними обходились, большинство заложников не поддавались так называемому «стокгольмскому синдрому» и не чувствовали к врагам ни малейшей симпатии. Напротив, у некоторых формировалось глубокое отвращение к их захватчикам и искреннее восхищение теми, кто их спас. Когда через несколько десятков лет в Кентукки скончался сельский доктор, в его некрологе содержалась благодарность капитану-северянину, освободившему его из плена¹²⁷.

В 1862 году Джордж Ч. Роу из Фредриксбурга, Виргиния, попал в заложники. В своем дневнике он описывает всепоглощающее чувство бессилия и жгучую неприязнь к обеим армиям. Когда началась война, ему было примерно тридцать лет; к этому времени он стал успешным адвокатом и занимал умеренную политическую позицию. В 1860 году он проголосовал за демократа Стивена Дугласа. После сессии он выступил на стороне Конфедерации, однако не присоединился к армии. В 1862 году вместе с восемнадцатью другими южанами янки взяли его в заложники – это был акт мести за то, что конфедераты захватили в Виргинии сторонников Федерации. Августовским вечером у него на пороге появился вооруженный офицер, который сопроводил его и других заложников в тюрьму Олд-Кэпитал в Вашингтоне, Колумбия. Роу предстояло провести там месяц. Он с отвращением описывал грязную камеру и отвра-

¹²⁵ См. статью «Новые бесчинства в Хэмптоне», опубликованную в газете «Мейкон дейли телеграф» 8 июня 1861 года, с. 3; статью «Заложники и дезертиры-мятежники», опубликованную в газете «Чикаго трибьюн» 15 июля 1861 года, с. 1; [OR 2, 4: 855; OR 2, 3: 156]; «Смерть доктора Смита», архив семейства Байрон, УМСП; [OR 1, 15: 554–555]; статью «Новости из Нэшвилла», опубликованную в газете «Нью-Йорк таймс» 19 февраля 1863 года.

¹²⁶ См. [OR 1, 21: 1079; OR 2, 4: 855; OR 2, 3: 808; OR 1, 22, 1: 166].

¹²⁷ См. [OR 1, 19: 55]; статью «Подготовка к убийству жителей Юга», опубликованную в газете «Мейкон дейли телеграф» 4 августа 1862 года, с. 4; [OR 2, 4: 351, 869–870]; «Смерть доктора Смита», архив семейства Байрон, УМСП.

тительную пищу. Некоторые заключенные ему нравились, другие внушали страх, при этом его невероятно злил сам факт такого унижения – быть удерживаемым против воли. В своем бедственном положении он вместе с другими заложниками обвинял обе армии: северянам доставалось за «деспотичность», а южанам – за то, что они захватили сторонников Федерации. Заложники написали обращение военному министру Эдвину Стэнтону, но ничего этим не добились. После этого Роу встретился с чиновниками Военного министерства и отказался приносить присягу. Он ссорился с охранниками, и один из них пригрозил его убить. Друзья слали ему передачи, и однажды его навестила жена. Наконец, в сентябре 1862 года произошел обмен заложниками и Роу оказался на свободе. Получив паспорт, он с облегчением вернулся домой¹²⁸.

Весной 1863 года в армии Севера появился новый Кодекс, в котором говорилось в том числе и об обращении с заложниками. Автор Кодекса, Фрэнсис Либер, был умным, амбициозным, непостоянным и непростым человеком; на сохранившейся фотографии он кажется мрачноватым, на его лице ярко выделяются пронзительные глаза. Он родился в Берлине, подростком отправился воевать против Наполеона, а потом принял участие в войне за независимость Греции. Позднее он эмигрировал в Америку и в 1830-е годы стал преподавателем в Университете Южной Каролины, где ему предстояло проработать двадцать один год. За это время он издал несколько выдающихся работ по политологии, завоевав себе репутацию либерала, однако в отношении рабовладельческого вопроса был кем угодно, но не прогрессистом. Он приобрел себе нескольких домашних рабов и утверждал, что обращается с ними лучше, чем большинство хозяев, отвергая идею отмены рабства на федеральном уровне. При этом он полагал, что когда-нибудь в отдаленном будущем может начаться постепенная эмансипация. Он прекрасно ладил с местными рабовладельцами, включая Джона К. Кэлхуна. Однако когда на Юге стали распространяться сецессионные настроения, Либеру стало неуютно, и в 1857 году он переехал в Университет Колумбия в Нью-Йорке. Вероятно, он продал своих рабов – хотя точной информации об этом у нас нет – и в 1861 году стал юнионистом и поддержал эмансипацию. В его семье взгляды разделились: сыновья Либера сражались во враждующих армиях¹²⁹.

После 1861 года Либер поддерживал Республиканскую партию и отстаивал идею активного ведения войны. Он обратился к нескольким офицерам, предложив составить для военных кодекс поведения, и в 1862 году генерал армии США Генри Халлек назначил его членом созданного для этой цели комитета. Либер написал большую часть документа, получившего его имя и опубликованного 24 апреля 1863 года под названием «общий приказ номер 100». Кодекс представлял собой длинный список не связанных между собой статей (общим числом 157), большая часть которых была посвящена отношениям между военными и гражданскими. Кодекс Либера оказался таким же противоречивым, как вся его жизнь. С одной стороны, он писал, что армия должна как можно меньше вмешиваться в жизнь мирных жителей и щадить их настолько, насколько это позволяют «потребности войны». Современная армия, настаивал Либер, в отличие от армий Древнего мира должна защищать нонкомбатантов. С другой стороны, он полагал, что мирные жители вражеской страны не способны не являться неприятелями и потому вполне могут быть подвергнуты тяготам войны. На протяжении всего текста Либер подчеркивает важность того, что у него называется «военной необходимостью»: солдаты должны предпринимать любые действия, направленные на отстаивание интересов Федерации, включая смерть «вооруженного неприятеля» и «других лиц». Либер запрещает жестокое поведение, но разрешает «военную хитрость», если она не опускается до «вероломства», – однако различие этих двух понятий не объясняется. В сущности, Кодекс Либера был настолько противоречив, что с его помощью можно было оправдать любое предпринятое военными дей-

¹²⁸ См. [Griffith, Rowe 1964: 395–429].

¹²⁹ См. [Freidel 1947: 2–62, 115–170, 225, 235–242, 292–306, 317–320; Witt 2012: 177–178].

стве. Принципы Старого Света соединяются здесь с идеями Нового; следы наполеоновской эры, которую Либер застал в юности, смешиваются с юнионизмом образца 1861 года¹³⁰.

Илл. 2. Фрэнсис Либер, теоретик войны. Библиотека Конгресса США

Либер также заявляет, что в современных войнах почти не захватывают заложников – очень странная мысль, если учесть, как часто северные СМИ рассказывали о заложниках, захваченных обеими армиями. Согласно Либеру, заложник – это человек, захваченный «вследствие военных действий» или как «залог», чтобы обеспечить выполнение соглашения между

¹³⁰ См. [Freidel 1947: 317–334; Witt 2012: 233–234; Grimsley 1995: 149–151]. См. также статьи 15, 16, 21–25 в [Witt 2012: 377–378].

двумя армиями. Далее он пишет, что с заложником нужно обращаться как военнопленным, т. е. его (Либера использует местоимение мужского рода) нельзя наказывать, подвергать жестокому обращению или лишать еды. При этом заложник, как и военнопленный, может оказаться объектом мести. Однако был Кодекс Либера противоречивым или нет, он все равно практически не повлиял на то, как военные обращались с заложниками. Хотя им и раздали экземпляры Кодекса, солдаты и офицеры почти не упоминают его в своих письмах и мемуарах. Некоторые из них, возможно, никогда о нем не слышали. В последующем Кодекс Либера стали считать образцом для регулирования поведения военных во время конфликта, однако весной 1863 года у армии уже составились собственные представления о том, как обращаться с заложниками. Конфедераты, само собой, высмеивали лицемерие кодекса, игнорируя при этом содержащиеся в нем предложения относительно заложников¹³¹.

После публикации либеровского Кодекса северяне по-прежнему захватывали заложников и вели себя с ними точно так же, как и до апреля 1863 года, – то есть делали то, что считали нужным. Захваченных мирных жителей удерживали в военных лагерях и местных тюрьмах, иногда за сотни миль от дома. Каждая сторона обвиняла другую в жестокости. В декабре 1863 года генерал Джордж Томас предположил, что конфедераты держали заложника-юниониста в «омерзительной тюрьме», – и в то же самое время Зебулон Вэнс, губернатор Северной Каролины, утверждал, что солдаты-янки заковывали заложниц в наручники. В Кодексе говорилось, что заложники должны быть мужчинами, однако за действия мужчин могли отвечать и женщины. В Луизиане полковник-янки приказал взять в заложницы местную жительницу, миссис Уилкоксен, после того как ее муж застрелил рядового, пытавшегося забрать у них продукты. Полковник намеревался удерживать жену, пока муж не сдастся северянам¹³².

Что бы ни писал Либера, солдаты по-прежнему практиковали и другие аспекты захвата заложников – например, равный обмен. Так, в Миссури пятерых мирных конфедератов обменяли на пятерых мирных юнионистов. Но этот принцип соблюдался не всегда: в Луизиане генерал армии США Натаниэль Бэнкс приказал наугад отобрать сотню белых мужчин, которым предстояло оставаться в заложниках, пока не отыщут человека, убившего капитана-янки. Заложники по-прежнему страдали из-за действий своих родственников. В декабре 1863 года майор Джеймс Т. Холмс сделал таким заложником мистера Д. У. Кимбро из Теннесси, потому что сын Кимбро, офицер армии мятежников, взял в плен двух солдат США; после этого их освободили. Мирные жители по-прежнему становились заложниками по причине событий, которые они не могли контролировать. Генерал армии Юга Джон Имбоден перевез из Западной Виргинии в Ричмонд тридцать пять заложников, мирных жителей и солдат армии Севера. По его словам, они должны были находиться в заключении до тех пор, пока северяне не отпустят на свободу неких «сторонников Юга», захваченных где-то на Севере.

О чем бы мы ни говорили – о контрабанде, переписке, шпионской деятельности, работе на армию, путешествиях или захвате заложников – официальные распоряжения практически не влияли на то, как обе армии взаимодействовали с мирным населением. То же самое относилось и к материальным ресурсам, начиная с провизии¹³³.

¹³¹ См. статьи 54, 55, 56, 59 в [Witt 2012: 383]. См. также [Freidel 1947: 337–338; Witt 2012: 245–246, 283, 342–365].

¹³² См. [Neely 1991: 153]. См. также статью «Пленные янки», опубликованную в газете «Ричмонд дейли диспетч» 5 мая 1863 года, с. 1; [OR 1, 31, 3: 366; OR 2, 6: 777; OR 1, 26: 40–41].

¹³³ См. [OR 1, 22: 267; OR 1, 15: 312; OR 1, 31: 506–507]; см. также статью «Захвачены в заложники», опубликованную в газете «Мейкон уикли телеграф» 5 июня 1863 года.

Глава 3 Провизия

Солдатам обеих армий требовалась еда, и эту материальную потребность приходилось удовлетворять каждый день. Голод во время войны был самым тяжелым испытанием, признавался ветеран армии Севера Дж. Д. Бладгуд. Во многих конфликтах провизию считали наиболее важным типом ресурса, необходимым для сохранения боевого духа солдат; как отметил Наполеон, «армия марширует, пока полон желудок». В древности войска регулярно отбирали еду у местного населения, однако в современном мире предполагается, что военные получают пайки и потому способны преодолеть любое расстояние, не притесняя мирных жителей. Обе армии, участвовавшие в Гражданской войне, должны были питаться, используя исключительно собственные ресурсы, о чем полагалось заботиться офицерам-снабженцам и интендантам. Однако ни северянам, ни южанам не хватало организованности. Подобно участникам других вооруженных конфликтов, конфедераты и федералы начали обращаться за необходимыми ресурсами к мирному населению, при этом они зачастую нарушали устав. Некоторые жители региона с радостью делились с ними едой, особенно в самом начале войны, однако остальные (и их было большинство) неохотно расставались с провизией, которая была необходима им самим. Вскоре население Америки разделилось на две категории – мирные жители и солдаты, – между которыми шла все более ожесточенная борьба за еду¹³⁴.

У американских военных имелись руководства по реквизиции продовольствия, в которых всячески подчеркивалось, что мирные жители обязаны удовлетворять требования военных. Принятый в 1806 году Военный кодекс должен был структурировать поведение солдат в военное время, при этом потребности армии, само собой, оставались на первом месте. Статья 52 запрещала солдатам покидать свой пост ради «грабежа и мародерства»; любого военного, совершившего такой проступок, военно-полевой суд мог приговорить к смерти. В Кодексе нет определений «мародерства» и «грабежа», однако в Оксфордском словаре английского языка под «мародерством» понимается захват трофеев, а под «грабежом» – похищение чего-либо у некоего человека или из некоей локации. В соответствии со статьей 54, солдатам и офицерам во время марша полагалось вести себя «достойным» образом; они не должны были «уничтожать или портить» без приказа командующего принадлежащие мирным жителям деревья, кроличьи садки, пруды, сады, поля или луга; если солдат причинял вред деревьям, садам или лугам без такого приказа, его могли подвергнуть военному трибуналу. В Постановлениях армии Конфедерации, выпущенных в 1863 году, статьи 52 и 54 были воспроизведены дословно. И, как мы уже знаем, статья 56 запрещала мирным жителям снабжать неприятеля едой. Обновленные постановления армии США от 1861 года предусматривали, что при необходимости генералы могут потребовать от жителей неприятельского государства контрибуцию деньгами или «натурой»¹³⁵.

В «Военном словаре» Генри Ли Скотта, опубликованном в 1861 году, подробно объяснялось, как солдаты могут получать от мирного населения еду. Скотт родился в 1814 году и большую часть своей жизни прослужил в армии. Войну он встретил в звании подполковника, но вскоре ушел в отставку. В «Словаре» он утверждал, что при реквизиции провианта необходимо соблюдать определенные процедуры. Так, офицеры должны выезжать в сельскую мест-

¹³⁴ См. [Bloodgood 1893: 76–77; Ritchie 1981: 141; McNeill 1982: 7, 2, 159, 183, 328, 354; Eby 1998: 25, 39, 43, 62; Lair 2011: 74–80].

¹³⁵ См. [Simpson, Weiner 1989: 11:1104, 832]. См. также Военный кодекс, глава 20, статьи 52, 54 (URL: www.freepages.military.rootsweb.com – в настоящий момент ресурс недоступен); Постановления армии Конфедеративных Штатов, с. 413–414; Обновленные постановления армии Соединенных Штатов от 1861 года с Приложением, с. 73.

ность в сопровождении нескольких солдат и охранника и в обмен на продовольствие выдавать мирным жителям официальные документы, которые в ближайшем будущем – во время конфликта или по его завершении – можно будет обменять на деньги или товары. Скотт понимал, что зачастую война «вредит» сельскому хозяйству, однако солдаты должны поступать по справедливости со всеми гражданскими, вне зависимости от того, как те настроены: «дружески», «нейтрально» или «враждебно». При реквизиции продовольствия не допускалось мародерство. При этом Скотт делает акцент на том, что нонкомбатанты обязаны уступать солдатам свои припасы. В его «Словаре» под «продовольствием» подразумевается еда для животных, а не для людей, однако в ходе войны солдаты обеих армий употребляли это слово как для обозначения продуктов, так и для обозначения фуража. В обеих армиях имелись состоящие из трех офицеров контролирующие органы, чьей задачей было рассматривать жалобы гражданских лиц относительно вреда, причиненного их собственности. Такие органы создавались и в оккупированных США регионах. Предполагалось, что они будут служить мирным жителям чем-то вроде апелляционного суда, однако записей об их работе почти не осталось, и мы мало что о них знаем¹³⁶.

¹³⁶ См. [Johnson 1998: 175, 278, п. 14; OR 1, 1: 236; OR 2, 2: 48; Scott 1861: 21–22, 305–308, 478, 586–588; OR 1, 2: 682; OR 1, 7: 785–786; Klingberg 1955: 21–22].

Контекст

В 1861 году ежедневный рацион в обеих армиях, как правило, включал в себя фунт мяса (предпочтительно, свежей говядины), фунт хлеба, немного овощей, кофе и сахар – для большинства солдат этого было достаточно, чтобы выжить. Со временем паек у южан становился все меньше: его сокращали в 1862, 1863 и 1864 годах. Продовольствие для пехоты поступало с интендантских складов, расположенных в таких местах, как Луисвилл, Кентукки у армии Севера и Коламбус, Джорджия у армии Юга; его доставляли в поле по железной дороге или обозами. Каждый день солдаты обеих армий расходовали множество калорий, и зачастую они обнаруживали, что им требуется больше пищи, чем армия могла им предоставить. Некоторые хотели овощей и фруктов для того, чтобы не заболеть цингой, другие находили армейский паек однообразным или попросту несъедобным. В федеральной армии мясо иногда оказывалось червивым, а солдаты Конфедерации жаловались на покрытую слизью говядину странного синеватого цвета¹³⁷.

Среди генералов обеих армий, отвечавших за снабжение, наиболее способным, похоже, был Монтгомери Мейгс, назначенный в 1861 году главным интендантом армии Севера. Впрочем, его роль по большей части сводилась к общему руководству, а основные решения, связанные с поставками продовольствия, принимали командиры на местах. Мятежникам никогда не удавалось накормить всех своих людей, хотя еды на Юге было достаточно. Историки полагают, что виной тому было неэффективное управление, нехватка фондов и слабая транспортная система. Сами солдаты винили в этом своих интендантов: считалось, что представителями именно этой военной специальности оказываются все отбросы армии – лентяи, забияки и пьяницы. Рядовой Джон Робсон предполагал, что многие интенданты были жуликами, приберегавшими лучшие припасы для себя, а занимавшийся до войны коммерцией майор Майкл Харман еще в 1861 году предсказал, что не владеющие системным подходом неопытные интенданты поставят победу Юга под угрозу. Многим офицерам определенно не хватало тщательности и аккуратности, необходимых для этой работы¹³⁸.

Вероятно, на протяжении всей войны у армии северян было больше еды, однако эффективность янки в том, что касается доставки продовольствия, сильно преувеличена. У федералов случались голодные кризисы, когда целые полки на долгое время оставались без еды. Солдаты обвиняли в этом ленивых интендантов, жадных поставщиков и некомпетентных инспекторов. Военное министерство США пыталось искоренить мошенничество и бессмысленную трату ресурсов, однако задача оказалась ему не по силам. Кроме того, новые интенданты практически не проходили никакого обучения: предполагалось, что они всему научатся на месте. В 1861 году капитан Чарльз Лейб, назначенный интендантом в Бакхэннон, Западная Виргиния, описал, какого труда ему стоило добыть экземпляры Военного устава. Далее он попытался убедить офицеров выписывать мирным жителям свидетельства о реквизиции, но некоторые попросту отказались это делать – вероятно, им не хотелось тратить время. Результатом бюрократической беспомощности стало то, что в армии янки тоже начался настоящий голод¹³⁹.

¹³⁷ См. [Fisher, Fisher 2011: 52–53, 73; Huston 1966: 174, 239; Stillwell 1920: 122–125; Meier 2013: 112; McKim 1910: 63; Donald 1975: 120; Goodloe 1907: 207]. См. также Обновленные постановления армии Соединенных Штатов от 1861 года с Приложением, с. 244.

¹³⁸ См. [Weigley 1959: 162, 165, 219–222, 260; Wiley 1943: 96–97; Goff 1969: 53, 243–245; Hughes N. 1995: 23, 48; Robson 1898: 11]. См. также письмо Майкла Г. Хармана Г. Р. Джексону от 10 октября 1861 года, Военный архив Майкла Г. Хармана, описание коллекции, Военный университет Виргинии (VMI).

¹³⁹ См. [Billings 1993: 110, 115; Wiley 1962: 225–226; Towne 2015: 67–68; Taylor L. 2004: 17; Leib 1862: 17–19, 28–29].

Обе армии сталкивались с множеством сложностей на последнем и самом важном этапе доставки продовольствия – когда провизия должна была поступать непосредственно солдатам в поле. По всей территории Юга продовольственные обозы могли попасть в неприятельскую засаду или задержаться в пути по причине неблагоприятных погодных условий и плохих дорог. Что касается железнодорожного сообщения, то вагоны ломались, а поезда запаздывали или становились мишенью для вражеских атак. Во время очередной наступательной операции каждая армия стремилась уничтожить созданные противником временные продовольственные склады. Из-за постоянных проблем с поставками солдатам обеих армий приходилось подолгу ждать получения пайков – мучительная ситуация, особенно для людей, занимающихся тяжелым физическим трудом. Рядовой армии США Герман Берхаус утверждал, что, по мнению его товарищей, они «имели право» получать от армии приличную еду¹⁴⁰.

И южанам, и северянам пришлось адаптироваться к перебоям в поставках продовольствия. Некоторые, подобно капралу-мятежнику Джеймсу Э. Холлу, обращались за едой к своим родственникам; другие обменивали вещи на продукты у дозорных вражеской армии; кто-то обыскивал ранцы погибших солдат; иногда еду покупали у маркитантов. Северная армия получала немного продовольствия от Санитарной комиссии США, но у мятежников не было и этого. Голодные конфедераты воровали провизию у собственных интендантов. Голодные янки поступали точно так же. Работавшие в Интендантском ведомстве солдаты, подобно рядовому Генри Эплину из армии США, использовали свое положение, чтобы прикарманить немного еды. Генри писал своим родственникам, что оформлял поддельные ордеры на сахар, чай и патоку, а полученные продукты откладывал для себя¹⁴¹.

¹⁴⁰ См. [OR 1, 11, 1: 1028; Taylor L. 2004: 31, 111–112; Huston 1966: 174, 230; Watkins 1999: 14; Bonner 2006: 103]. См. также письмо Дж. Г. Гамильтон Мэри Пирр от 10 января 1862 года, дневник Мэри Л. Пирр (УТК); дневник Коррела Смита, запись от 18 февраля 1862 года, Историческое сообщество Западного резервного района (WRHS); письмо Германа Бурхауса «Дорогой сестре» от 9 октября 1862 года, семейный архив Бурхаусов (UMCP).

¹⁴¹ См. [Dayton 1961: 12–13; Gordon 1903: 110; Graham 2013: 467; Bloodgood 1893: 26; Fisher, Fisher 2011: 60–61; Goodloe 1907: 207–208; Kent 1976: 141]. См. также письмо Генри Г. Эплина Эльвире Эплин, написанное в мае 1862 года, семейный архив Эплинов (UM).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.